

Сергей Николаевич Базанов
Великая война: как погибала
Русская армия. 1917
Серия «Военные тайны XX века»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16929096

Сергей Базанов. *Великая война: как погибала Русская армия: Вече; Москва; 2014*
ISBN 978-5-4444-2020-1, 978-5-4444-8131-8

Аннотация

Книга доктора исторических наук С. Н. Базанова посвящена истории развала русской действующей армии начиная с марта 1917 г. и заканчивая ее демобилизацией в начале 1918 г. На основе разнообразных источников автор показывает, насколько разрушительна была военная политика Временного правительства по отношению к вооруженным силам, что в значительной степени ускорило их развал. Подробно рассмотрена борьба большевиков за власть в действующей армии с их политическими противниками в послеоктябрьский период. Раскрыто влияние первых советских декретов о мире, о земле, о демократизации и о демобилизации на процесс борьбы за власть в армии, закончившийся ее полным роспуском.

Содержание

Введение	5
Глава I	7
Первые шаги Временного правительства по демократизации армии весной 1917 г	7
Попытки Временного правительства активизировать патриотическое движение и провал июньского наступления	15
Русская армия в канун октября	29
Предоктябрьская подготовка партии большевиков к борьбе за власть в стране и армии	34
Глава 2	39
Взятие власти большевиками на Северном фронте	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Сергей Базанов

Великая война: как погибала Русская армия

© Базанов С. Н., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

Введение

Прошло ровно 100 лет с начала Первой мировой войны. Официальная пропаганда того времени назвала ее Великой, затем Второй отечественной, а иногда даже Второй великой отечественной войной. И таковой бы ей и остаться в памяти потомков. Но грянул 1917 год...

Изучение роли русской армии в переломных событиях 1917 г. началось в 1920-х гг. и продолжается по настоящее время. Анализу соответствующего комплекса научной литературы посвящено немало обстоятельных работ, в том числе монографий, поэтому нет необходимости подробно останавливаться на ее разборе. Отметим только, что революционное движение в армии в целом рассматривается в разделах крупных трудов по истории революций 1917 г., ряде книг, кроме того, несколько десятков исследований опубликовано по отдельным проблемам этого явления. При этом до последнего времени у тех, кто изучает этот период, нередко возникает вопрос: кто ответствен за развал Русской армии? Одни специалисты продолжают отстаивать точку зрения, что все беды – от Временного правительства, другие обвиняют большевиков. По мнению же автора, доля ответственности лежит на тех и на других. Причем по количеству вышедших научных публикаций преобладает критика военной политики Временного правительства.

Необходимо отметить, что практически вся имеющаяся литература по послеоктябрьскому периоду страдает таким серьезным недостатком, как весьма поверхностный показ событий на фронте в целом, не говоря уже об истории борьбы за власть в действующей армии, приведшей к ее развалу. Отчасти это вызвано значительно меньшим по сравнению с дооктябрьским периодом количеством документальных источников, сохранившихся в фондах государственных архивов. Дело в том, что в период германского наступления в феврале 1918 г. многие штабы полков, дивизий, корпусов и даже армий на Северном и Западном фронтах были захвачены противником (в плен попал даже штаб Западного фронта). А на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах значительная масса документов вместе с огромным военным имуществом действующей армии стали добычей вооруженных формирований украинской Центральной рады и правительства Закавказья (Азербайджана, Армении и Грузии) – Закавказского комиссариата.

Надо сказать, что в известной степени эти пробелы восполняются таким важным источником, как периодическая печать 1917–1918 гг. Предметом изучения автора предлагаемой читателю книги стали многие десятки газет, выходивших в тот период как в центре, так и в действующей армии и прифронтовых районах. В них освещались (по-разному, в зависимости от партийной принадлежности) послеоктябрьские события на фронте, публиковались письма солдат и офицеров, резолюции фронтовых, армейских, корпусных и прочих съездов, митингов, собраний, указы солдат различным властным структурам, постановления солдатских комитетов, приказы большевистских ревкомов и советских комиссаров и многое другое.

Однако главный недостаток предшествующей научной литературы состоит в том, что революционные процессы в вооруженных силах в 1917 г. рассматривались по одной схеме, а события унифицировались. Исследователей в основном интересовали вопросы, связанные с проведением Октябрьской революции. Все работы заканчивались главным образом безапелляционным утверждением о том, что советская власть окончательно установлена на том или ином фронте либо в армии такого-то числа такого-то месяца. Как правило, для подобного заключения хватало резолюции, в поддержку (или о признании) новой власти, вынесенной съездом солдатских депутатов изучаемого объекта. Но почему тогда армия, в основном лояльная к советской власти, в течение менее чем четырех месяцев была ею демобилизована

и в марте 1918 г. прекратила существование? Ответу на этот вопрос и посвящена данная книга.

В предлагаемой вниманию читателей работе, подготовленной на основе разнообразного круга источников и научной литературы, предпринята попытка дать общую картину процессов, происходивших на протяжении 1917 г. в русской действующей армии, насчитывавшей около 7 млн человек, что составляло 80 % состава вооруженных сил государства. Рассматривается ее демократизация от Февраля к Октябрю, приведшая к необратимым последствиям, причем основное внимание уделяется послеоктябрьскому периоду, так как именно в конце октября – ноябре разгорелась острая борьба за власть между большевиками и их политическими противниками на всех пяти фронтах, каждый из которых обладал своей спецификой. В работе показано отношение солдатских масс к этому противостоянию, их участие в претворении в жизнь первых советских декретов, влияние последних на исход борьбы за армию, закончившейся ее ликвидацией.

Глава I

Пролог катастрофы: русская армия от февраля к октябрю

Первые шаги Временного правительства по демократизации армии весной 1917 г

После победоносного наступления Юго-Западного фронта летом 1916 г., вошедшего в историю как Брусиловский прорыв, произошел перелом в Первой мировой войне в пользу Антанты. Многим в то время даже стало казаться, что предстоящая военная кампания будет последней и победа уже не за горами. Сам главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А. А. Брусилов, хорошо знавший сложившуюся к концу 1916 г. обстановку на фронтах, с большим оптимизмом смотрел на исход войны и верил в скорую победу. «Война уже выиграна нашими союзниками, – заявил генерал корреспонденту английской газеты «Таймс», – хотя невозможно еще определить, сколько понадобится времени, чтобы убедить неприятеля, что дело, из-за которого он залил кровью Европу, безвозвратно потеряно».¹ Та же мысль прозвучала в беседе полководца с репортером другой английской газеты – «Дейли Кроникл»: «Победа держав Согласия обеспечена, война может закончиться в 1917 году».²

Но этим вполне реалистичным прогнозам не суждено было сбыться: наступал февраль 1917-го. Об этих днях Брусилов впоследствии писал в своих мемуарах: «в Ставке, куда уже вернулся Алексеев (Гурко принял опять «Особую» армию), а также в Петербурге было, очевидно, не до фронта. Подготавливались великие события, опрокинувшие весь уклад русской жизни и уничтожившие и армию, которая была на фронте (курсив наш. – С. Б.). Глухое брожение всех умов в тылу невольно отражалось на фронте, и можно сказать, что к февралю 1917 года вся армия, – на одном фронте больше, на другом меньше, – была подготовлена к революции. Офицерский корпус, в это время также поколебался и, в общем, был крайне недоволен положением дел. Лично я был в полном недоумении, что из всего этого выйдет. Было ясно, что так продолжаться не может, но во что выльется это общее неудовлетворение – никак предугадать не мог... Вот при этой-то обстановке на фронте разразилась Февральская революция в Петрограде».³

Перед отречением Николая II от престола начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М. В. Алексеев запросил главнокомандующих фронтами об их мнении по поводу создавшегося положения. Небезынтересно, что одним из первых высказался по этому поводу главнокомандующий Кавказской армией генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (Младший), отправив императору следующую телеграмму: «Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывалую роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасение династии, вызывает принятие сверхмеры. Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклонно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего

¹ Цитата по кн.: Семанов С. Н. Брусилов. М., 1980. С. 237.

² Там же. С. 237.

³ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 204–205.

Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте Ему – Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю Бога подкрепить и направить Вас».⁴

Главкомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от кавалерии А. А. Брусилов был более краток. Как он впоследствии вспоминал, «Алексеев просил меня и всех главкомандующих телеграфировать царю просьбу об отречении. Я ему ответил, что со своей стороны считаю эту меру необходимой и немедленно исполню».⁵ За отречение Николая II от престола высказались также главкомандующие армиями Северного, Западного и Румынского фронтов – генерал от инфантерии Н. В. Рузский, генерал от инфантерии А. Е. Эверт и помощник главкомандующего армиями Румынского фронта генерал от кавалерии В. В. Сахаров. 1 марта Николай II находился в Пскове, в штабе главкомандующего армиями Северного фронта. Там, после получения телеграмм от командующих фронтами, 2 марта, император отрекся от престола за себя и за своего сына Алексея. Трон передавался младшему брату царя, великому князю Михаилу Александровичу. Однако и он тоже после переговоров с общественными деятелями отказался от верховной власти, заявив, что согласен принять ее только по решению Всероссийского учредительного собрания. Подобные заявления написали и все другие члены царской фамилии, которые могли иметь право на престол в будущем. Таким образом, с монархией в России было покончено.

В столице страны Петрограде события развивались столь же стремительно, как и в действующей армии. Еще днем 27 февраля, после занятия восставшими резиденции Государственной думы – Таврического дворца, там был организован Временный исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, а чуть позже – «Временный комитет Государственной думы для сношения с лицами и учреждениями». Это были зачатки новой правительственной системы. В ночь на 2 марта делегации обоих учреждений на переговорах согласовали состав правительства и его программу. Она включала ряд немедленных демократических преобразований и амнистию. В первоначальный состав Временного правительства вошли члены Государственной думы, а министром-председателем был избран князь Г. Е. Львов.

В действующей армии также произошла смена верховной власти. Одним из своих последних указов Николай II вновь назначил Верховным главкомандующим великого князя Николая Николаевича (Младшего), занимавшего эту должность ранее, с 20 июля 1914 г. по 23 августа 1915 г. (до того как принял главкомандование Кавказской армией). Вскоре великий князь покинул Тифлис, где находился штаб Кавказского фронта, и выехал в Ставку в Могилев для принятия дел. Начальник штаба Верховного главкомандующего М. В. Алексеев докладывал Временному правительству: «Назначение великого князя Николая Николаевича Верховным главкомандующим на всех фронтах было принято сочувственно и даже с радостью. У многих принятие им верховного командования связывается с надеждой на более скорый и победоносный конец войны».⁶ Позже генералы А. А. Брусилов, А. И. Деникин и другие также отмечали в мемуарах, что назначение Верховным главкомандующим Николая Николаевича (Младшего) было встречено офицерским корпусом с пониманием и надеждой.

Однако Временное правительство признало пребывание великого князя на посту Верховного главкомандующего нежелательным в связи «с негативным отношением народа к династии Романовых». В доверительном письме министр-председатель Временного правительства Г. Е. Львов писал Николаю Николаевичу (Младшему) по этому поводу: «Создавшие

⁴ Цитата по кн.: Пчелов Е. В. Романовы. История династии. М., 2001. С. 312.

⁵ Брусилов А. А. Указ. соч. С. 205.

⁶ Шамбаров В. Е. За веру, царя и Отечество! М., 1993. С. 595.

еся положение делает неизбежным оставление Вами этого поста. Народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия членами дома Романовых каких-либо государственных должностей. Временное правительство не считает себя вправе оставаться безучастным к голосу народа, пренебрежение которым могло бы привести к самым серьезным осложнениям. Временное правительство убеждено, что Вы, во имя блага Родины, пойдете навстречу требованиям положения и сложите с себя еще до приезда Вашего в Ставку звание Верховного главнокомандующего».⁷ Это письмо нашло великого князя уже в Могилеве. Глубоко огорченный позицией Временного правительства, он тем не менее немедленно сдал командование начальнику штаба Ставки М. В. Алексееву, а затем отправил Временному правительству письмо, в котором писал: «Рад вновь доказать мою любовь к Родине, в чем Россия до сих пор не сомневалась».⁸ Вскоре Николай Николаевич (Младший) покинул Ставку и уехал в Петроград, а 11 марта был уволен от службы.

Военный министр Временного правительства А. И. Гучков выдвинул на должность Верховного главнокомандующего кандидатуру начальника штаба Ставки генерала от инфантерии М. В. Алексеева. Но большинство членов правительства высказалось против, находя его неподходящим для такой должности (они предложили на этот пост А. А. Брусилова). Для решения этого вопроса Временное правительство прибегло к запросу по телеграфу мнения 18 командующих фронтами и армиями о кандидатуре Алексеева. Из них 13 генералов дали положительный отзыв, а 5 хотя и признали достоинства Алексеева, но с разными оговорками. Наконец, 1 апреля Алексеев приказом Временного правительства был назначен Верховным главнокомандующим. Пост начальника штаба Ставки 5 апреля занял генерал-лейтенант А. И. Деникин, командовавший до этого 8-м армейским корпусом 9-й армии Румынского фронта.

К сожалению, подавляющее большинство высшего руководства действующей армии постигла та же судьба, что и Николая Николаевича (Младшего). Только в течение марта – апреля Временное правительство сместило с постов 4 из 5 главнокомандующих фронтами (кроме главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта А. А. Брусилова) и 11 – из 14 командующих армиями. В целом же в марте – октябре в отставку были уволены 374 генерала, причем в первую очередь представители высшего армейского руководства. Так, из 225 полных генералов (от инфантерии, кавалерии и артиллерии), состоявших на службе к кануну Февральской революции, Временным правительством были уволены 68. В то же время присвоило оно это звание лишь 7 генералам.⁹ Главным критерием оценки личности военачальника в тот момент стала политическая благонадежность, хотя нелишне напомнить, что присягу Временному правительству принял практически весь офицерский корпус. Исключение составили лишь немногие генералы и офицеры – например, командир гвардейского кавалерийского корпуса генерал от кавалерии хан Г. Нахичеванский, командир 3-го кавалерийского корпуса генерал от кавалерии граф Ф. А. Келлер, командир 2-го конного Прибалтийского полка полковник Ф. В. Винберг.

Однако несмотря на почти поголовную преданность новой власти, Временное правительство направило на все фронты и в каждую армию своих комиссаров с целью контроля над командным составом. Кроме того, для поднятия собственного авторитета в глазах солдатских масс оно всемерно поддержало Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в вопросе о демократизации армии. Так, изданный 1 марта Исполнительным комитетом Петросовета знаменитый Приказ № 1 о создании солдатских комитетов в армии, положив-

⁷ Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 363.

⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 141.

⁹ Жилин А. П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 159.

ший начало демократизации вооруженных сил, был полностью одобрен и поддержан Временным правительством. Он был принят 1 марта на объединенном заседании рабочей и солдатской секций Петроградского совета по инициативе и при непосредственном участии солдатских депутатов. Выработала Приказ № 1 избранная Петроградским советом комиссия под председательством члена его исполкома Н. Д. Соколова.

Приказ № 1 узаконил стихийно возникшие солдатские комитеты (советы) в армии, установил, что воинские части во всех политических выступлениях подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и выборным солдатским (т. е. войсковым) комитетам. Приказы военной комиссии Государственной думы предписывалось выполнять, только если они не противоречили приказам и постановлениям Петроградского совета. Согласно Приказу № 1 оружие должно было находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам. Приказ наделял солдат гражданскими правами, ставил их в равное положение с офицерами вне службы и строя, воспрещал обращение на «ты», отменял титулование.

Действие приказа распространилось далеко за пределы столичного гарнизона. Он способствовал демократизации армии и организации солдат в активную политическую силу, однако не отразил главного их требования – выборности командного состава. Впрочем, несмотря на отсутствие в Приказе № 1 такого пункта, солдаты многих частей сменили неугодных им офицеров, избрав на их должности тех, кто пользовался у них авторитетом. Принятый Петроградским советом 5 марта Приказ № 2 ограничивал действие Приказа № 1 Петроградским гарнизоном и не подтвердил безусловного права солдатских комитетов контролировать использование оружия. Но солдатские комитеты стали возникать явочным порядком в действующей армии, на флотах и в тыловых гарнизонах. Ротные, батальонные, полковые избирали на соответствующих общих собраниях, а бригадные, дивизионные, корпусные, армейские – на съездах.

Верховное главнокомандование, видя невозможность остановить распространение солдатских комитетов, попыталось поставить их под свой контроль. 10 марта Ставка Верховного главнокомандующего распорядилась ввести в их состав офицеров, чтобы через них направить это стихийное движение в организованное русло. Приказом Верховного главнокомандующего генерала от инфантерии М. В. Алексеева от 30 марта было введено «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота», устанавливавшее обязательное создание солдатских комитетов во всех подразделениях, частях, соединениях и объединениях от роты (батареи, команды, эскадрона, сотни) до Ставки и закреплявшее за офицерами 1/3 мест в солдатских комитетах всех степеней. «Временное положение» ограничивало сферу деятельности солдатских комитетов решением хозяйственных и бытовых вопросов, культурно-просветительной работой. Военный министр Временного правительства А. И. Гучков не менее известным приказом № 213 от 16 апреля ввел временное положение о комитетах, направлявшее их деятельность на урегулирование недоразумений между солдатами и офицерами. Приказ имел целью обеспечить каждому воину осуществление его гражданских и политических прав, расширил права солдатских комитетов, уменьшил в них число офицеров до 1/5.

В мае завершилось создание системы солдатских организаций, начиная от ротных и кончая фронтовыми. Число солдатских комитетов различных степеней в действующей армии приближалось к 50 000, в них состояло до 300 000 членов. На всех флотах, флотилиях и кораблях также были созданы матросские комитеты. Сложилась система солдатских организаций и в тылу. Ее составляли полковые, бригадные, гарнизонные комитеты (солдатские секции местных советов или отдельные советы солдатских депутатов), солдатские секции областных и губернских советов, в ряде мест – военно-окружные комитеты. Состоявшееся 29 марта – 3 апреля в Петрограде Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских

депутатов определило, что солдатские комитеты являются составной частью системы советов. Так на фронте, как и в тылу, установилось двоевластие.

Весной 1917 г. революционная эйфория охватила значительную часть российского общества, коснулась она и действующей армии. В научной литературе до сих пор господствует точка зрения о разделении армии после Февральской революции на два лагеря – революционеров и контрреволюционеров. Естественно, революционеры – это солдатская масса, а «контра» – офицерский корпус. Однако в действительности офицеры, особенно молодые, главным образом прапорщики военного времени «из студентов», с восторгом встретили революцию. Именно из них первоначально состояло руководство солдатских комитетов, военных организаций партий меньшевиков и эсеров, комиссариаты Временного правительства на фронте. Генералитет же, как уже отмечалось, весьма спокойно встретил отречение Николая II и, за исключением нескольких генералов, присягнул на верность Временному правительству. В целом же и офицерский корпус, и генералитет остались на патриотических позициях и прилагали все усилия, чтобы довести войну до победного конца.

Солдаты же, в своей массе малограмотная сельская молодежь, особенно те, кто сравнительно недавно прибыл в действующую армию, слабо разбирались в быстроменяющейся политической обстановке и восприняли революцию как сигнал к вседозволенности. В результате дисциплина на фронте резко упала. К тому же солдатская масса легко поддавалась любой негативной пропаганде, особенно антивоенной, чем и воспользовались австро-германское командование и большевики. На фронте с небывалым доселе размахом развернулось братание наших солдат с противником.¹⁰ Лишь меньшая их часть осталась в то время верна долгу и была готова защищать Отечество (фронтовики «со стажем», георгиевские кавалеры, солдаты-добровольцы). Таким образом, действующая армия разделилась не по политическому признаку сторонников и противников (их практически не было) революции, а на патриотов и, как тогда говорили, «шкурников».

Весной 1917 г., как уже упоминалось, началось массовое братание. Его широкому развертыванию способствовала и сложившаяся тогда на Восточно-Европейском театре военных действий обстановка. Руководство Германии и Австро-Венгрии после Февральской революции предписали своим вооруженным силам не предпринимать боевых действий на Восточном (Русском) фронте, но начать там широкую пропаганду, о чем подробно писал бывший в то время начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А. И. Деникин: «Немецкий генеральный штаб поставил это дело широко, организованно и по всему фронту, с участием высших штабов и командного состава, с подробно разработанной инструкцией, в которой предусматривалось: разведка наших сил и позиций; демонстрация внушительного оборудования и силы своих позиций; убеждение в бессмысленности войны; натравливание русских солдат против правительства и командного состава, в интересах которого якобы исключительно продолжается эта «кровавая бойня». Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы».¹¹

А. И. Деникина дополнил бывший тогда министром юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский: «Расположения русских войск были засыпаны листовками с призывом к русским солдатам «замиряться с германскими братьями по другую сторону окопов...». Далее Керенский признавал, что четко организованная германская пропаганда давала хороший результат. Расчет противника был прост: «уставшие от войны русские солдаты, в большинстве своем крестьянская молодежь, наспех обученная и недавно надевшая форму, стано-

¹⁰ Подробнее об этом см.: Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). Автор-составитель С. Н. Базанов. М., 2010. С. 9–130.

¹¹ Деникин А. И. Указ. соч. С. 329.

вилась легкой добычей таких махинаций, многие из них искренне верили, что немцы хотят мира, в то время как их собственные офицеры, представители высшего российского сословия, выступают против него». Касаясь непосредственно вопроса братания, Керенский писал: «Немецкие солдаты стали выбираться из своих окопов, переползать к русским «товарищам» и брататься с ними».¹²

А как реагировали на эти действия противника русские солдаты? «Сначала разбегались от окрика своего офицера, – вспоминал командующий 5-й армией Северного фронта генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов, – затем приходилось пускаться в направлении братающихся один-два выстрела с соседней батареи, а под конец стало уже так, что хозяином положения на фронте оказалась пехотная масса; сохранившая же дисциплину артиллерия должна была во избежание нападения отгораживаться даже проволокой от своей же пехоты».¹³

Австро-германское командование выражало удовлетворение ходом братания, так как оно мало задевало солдат их армий, на что наивно рассчитывали большевики,¹⁴ но нанесло непоправимый ущерб русским войскам на Восточном фронте. Так, за один лишь май 1917 г. только австро-венгерская разведка осуществила через братание с русскими солдатами 285 разведывательных контактов.¹⁵ И все это происходило на глазах эсеро-меньшевистских солдатских комитетов, фронтовых и армейских комиссаров Временного правительства и, конечно, командования. Безответственными выглядят на этом фоне заверения большевистской газеты «Правда», лидеров большевиков, например прапорщика Н. В. Крыленко, занимавшего в то время пост председателя армейского комитета 11-й армии Юго-Западного фронта, в том, что их партия не допустит использования братания для «выведывания военных тайн».¹⁶

Здесь уместно привести цитату А. И. Деникина: «Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашел лишь благодатную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме».¹⁷ Можно уточнить сказанное генералом: разлагаемом именно правящими партиями в лице Временного правительства и его комиссаров в действующей армии.

Вместо того чтобы укрепить пошатнувшуюся после Февральской революции дисциплину в армии, покончить с братанием и усилившимся дезертирством, Временное правительство по настоянию входивших в его состав лидеров партий эсеров и меньшевиков приняло в мае 1917 г. «Декларацию прав военнослужащих». Эта декларация, вслед за знаменитым Приказом № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, продолжила дело разложения Русской армии. Значительная часть ее положений вполне справедливо была направлена на защиту прав солдат: это и уравнивание военнослужащих в правах с гражданским населением, и закрепление за солдатами права свободно высказывать свои политические, религиозные и социальные взгляды. Однако положение о том, что военнослужащим разрешалось быть членом любой политической партии, прямо вовлекало солдатские массы в разгоравшуюся политическую борьбу в самой армии (разжигаемую большевиками), что, конечно же, не делало ее более сплоченной. Естественно, «Декларация прав военнослужащих» была отрицательно встречена командованием. По его мнению, она явилась «послед-

¹² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 181.

¹³ Данилов Ю. Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода русской монархии. М., 1992. С. 147.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Базанов С. Н. Братание – одна из причин развала русской армии в 1917 году. // Мир и политика, 2011, № 3. С. 50–55.

¹⁵ Френкин М. С. Русская армия и революция 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 266.

¹⁶ Правда. 1917. 4 мая; Крыленко Н. В. Почему побежала русская революционная армия. Пг., 1917. С. 21.

¹⁷ Деникин А. И. Указ. соч. С. 137–138.

ним гвоздем, заколоченным в гроб русской армии». ¹⁸ Но к голосу командования ни Временное правительство, ни его комиссары в действующей армии не прислушивались.

Единственным русским фронтом, которого в значительно меньшей степени коснулись «революционные вихри», был Кавказский. Братания здесь вообще не было (русские солдаты не хотели брататься с турецкими офицерами в солдатской форме, хотя последние с подачи их германских хозяев, пытались предпринять такие попытки), а дезертиров было гораздо меньше, чем на других фронтах. После того как великий князь Николай Николаевич (Младший) отбыл в Ставку в Могилев, вместо него главнокомандующим войсками Кавказского фронта был назначен генерал от инфантерии Н. Н. Юденич. Официально он продолжал оставаться на должности командующего Кавказской армией до 4 апреля.

Напомним, что на весну 1917 г. Юденичем были подготовлены две наступательные операции. Первая на Мосульском направлении, вторая – на левом фланге армии. На остальных направлениях он предложил Ставке Верховного главнокомандующего вести активную оборону. Этот план был одобрен. В конце января 1917 г. в Тифлис, где располагался штаб Кавказского фронта, прибыл представитель английского командования. Он высказал руководству фронта пожелания своего командования в ближайшее время оказать давление на фланг и тыл 6-й турецкой армии, находившейся в Персии. Идя навстречу просьбам союзников, русские войска в феврале перешли в наступление на багдадском и пенджвинском направлениях. 1-й Кавказский армейский корпус вышел к границам Месопотамии (Ирак), а 7-й Кавказский армейский – к Пенджвину. Используя успех русских войск, англичане уже в конце февраля заняли Багдад.

На следующий день после назначения на пост главнокомандующего войсками Кавказского фронта (3 марта) Юденичу пришлось принимать срочные меры по просьбе командира 1-го Кавказского кавалерийского корпуса генерала от кавалерии Н. Н. Баратова, находившегося в Персии. Дело заключалось в том, что части корпуса, выдвинувшиеся в долину реки Дияла, испытывали острые затруднения в продовольствии. Английские союзники отказались помочь нашим войскам. Тогда по постановлению солдатского комитета корпуса был арестован прикомандированный к корпусу Баратова представитель английского военного атташе. К тому же и настроение в частях корпуса становилось все более неустойчивым, а также приближался сезон тропической жары. Юденич принял решение прекратить наступление и с 6 марта перейти к позиционной обороне. Одновременно с корпусом Баратова приказом Юденича прекращали наступление находившиеся в Персии 1-й и 7-й Кавказские армейские корпуса. Они отводились в районы с лучшим базированием.

Такие действия главнокомандующего войсками Кавказского фронта негативно встретило Временное правительство. Из Петрограда последовало несколько телеграмм с требованием возобновить наступление в Персии. Глубоко убежденный в обоснованности принятого решения, Юденич отправил Временному правительству аргументированный доклад о положении дел на Кавказском фронте и возможных перспективах вверенных ему войск. Реакция правительства была незамедлительной. Генерала обвинили в том, что он «игнорировал требования момента» и ничего не предпринял для «решительного наступления революционной армии». 25 апреля Юденич был отстранен от должности главнокомандующего войсками Кавказского фронта, как «сопротивляющийся указаниям Временного правительства», и вызван в Петроград, ¹⁹ а на его место назначен генерал от инфантерии М. А. Пржевальский. Однако и он уже не мог ничего поделать – волна антивоенных настроений достигла Кавказ-

¹⁸ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 7. М., 1923. С. 157.

¹⁹ Базанов С. Н. «Смелость, какая присуща только большим полководцам» // Военно-исторический журнал. 2012. № 7. С. 53.

ского фронта. В сложившейся ситуации новый главком также решил перейти к обороне и не вести активных боевых действий.

Попытки Временного правительства активизировать патриотическое движение и провал июньского наступления

Невзирая на создавшуюся в России чрезвычайно сложную политическую ситуацию, союзники по Антанте настойчиво требовали от нее выполнения данных ранее обязательств – начать крупные наступательные операции в течение апреля. Но русскому верховному командованию при определении даты начала и места наступления в тот период приходилось больше всего считаться именно с антивоенными настроениями солдатской массы. Участники проходившего в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве 1 мая совещания главнокомандующих армиями фронтов, признавая необходимость наступления, были вынуждены констатировать, что в настоящее время действующая армия не готова вести успешные крупномасштабные боевые действия. По убеждению большинства участников совещания провести наступление в лучшем случае можно будет не ранее середины июня. При этом генералы исходили не только из неудовлетворительного морально-политического состояния русской армии, но также из недостаточной подготовленности войск в материально-техническом отношении. В ряде выступлений отмечалось, что если бы в армии и сохранялся наступательный дух, то все равно недостаток продовольствия, фуража, конского состава исключил бы возможность успешного наступления. Участники совещания прекрасно понимали, что ни они сами, ни Временное правительство в существующем составе не смогут подготовить солдатские массы к наступлению без помощи наиболее популярных в тогдашнем российском обществе партий эсеров и меньшевиков. Главнокомандующие фронтами исходили из того, что представители этих социалистических партий, несмотря на заверения о «мире без аннексий и контрибуций», фактически поддерживали политику продолжения войны. Учитывая это чрезвычайно важное обстоятельство, участники совещания высказались за необходимость создания коалиционного правительства с участием эсеров и меньшевиков, надеясь с помощью министров-социалистов и используя их сильное влияние в солдатской среде, двинуть русскую армию в наступление.

Временное правительство прислушалось к мнению авторитетных генералов. В опубликованной 6 мая декларации уже коалиционного Временного правительства наряду с обещанием скорейшего достижения «всеобщего мира без аннексий и контрибуций» указывалось: важнейшей задачей верховной власти является укрепление боевой мощи Русской армии «как в оборонительных, так и в наступательных действиях». Вместо октябриста А. И. Гучкова военным и морским министром был назначен эсер А. Ф. Керенский.

После майского совещания в действующей армии началась усиленная агитационная подготовка к наступлению, в ходе которой большое место отводилось морально-политической работе среди солдатских масс. По всем фронтам разъезжали представители правящих партий, пытавшихся своими зажигательными речами убедить солдатские массы перейти в последнее мощное наступление и «сокрушить германский милитаризм». Пожалуй, главную роль в этой агитационной кампании сыграл новый военный и морской министр Керенский. Так, уже 12 мая он прибыл в Каменец-Подольский, где находился штаб Юго-Западного фронта, и выступил с агитационной речью на проходившем там фронтовом съезде (7–20 мая). Подчеркнем, что именно Юго-Западному фронту отводилась главная роль в готовящемся наступлении.

Необходимо отметить, что в период работы этого съезда была создана инициативная группа военнослужащих Юго-Западного фронта, которая 13 мая обратилась к главнокомандующему армиями этого фронта генералу от кавалерии А. А. Брусилову и А. Ф. Керенскому

с заявлением о необходимости формирования «особых ударных революционных батальонов» из добровольцев. Цель их создания – влить в армию веру, что весь русский народ идет за нею во имя скорого мира и братства народов, «чтобы при наступлении революционные батальоны, поставленные на важнейших боевых участках, своим порывом могли бы увлечь за собой колеблющихся».²⁰ «Вполне сочувствуя этой идее, – писал в приказе Брусилов, – я и спросил у военного министра Керенского согласие на формирование революционных батальонов».²¹ Ободренный поддержкой военного и морского министра, генерал в тот же день пригласил его на смотр одной из первых «ударных частей», созданных на Юго-Западном фронте в 7-й армии, в местечке Бучач, где располагался штаб армии. Керенский остался весьма доволен и самой идеей и бравым видом бойцов. Так было положено начало созданию добровольческих воинских формирований в русской армии.²²

Вскоре вопрос о создании добровольческих ударных частей по предложению Брусилова включили в повестку дня продолжавшего работу съезда Юго-Западного фронта. И уже 16 мая в телеграмме, отправленной в Ставку Верховного главнокомандующего, Военное министерство и Петроградский совет, генерал торжественно сообщал: съезд, «обсудив предложение инициативной группы революционных солдат и офицеров фронта, к которой всецело присоединилась делегация Черного моря (Черноморского флота. – С. Б.), нашел необходимым для усиления мощного и революционного духа армии, для защиты свободы и закрепления завоеваний революции, от успеха которой зависит свобода демократии не только России, но и всего мира, пополнить армию добровольческими революционными батальонами для образования ударных групп. В полной мере сочувствуя идее такого формирования, – писал он далее, – я утвердил исполнительный комитет группы и ходатайство о разрешении немедленно приступить к вербовке волонтеров».²³

В тот же день Брусилов отправил вторую телеграмму лично Верховному главнокомандующему генералу от инфантерии М. В. Алексееву: «Для поднятия наступательного настроения армии и морального впечатления весьма желательно скорейшее появление на фронте первых революционных батальонов, что возможно при условии Вами срочно начать вербовку волонтеров в военно-учебных заведениях, во флоте и крепостях Черного моря с указанием, какой процент состава военных училищ, школ прапорщиков и частей Черного моря можно вербовать». И далее извещал Главковерха: в Ставку в Могилев, накануне (15 мая) выехали делегаты съезда полковник Яснаков и черноморский матрос А. Баткин, которые «доложат Вам подробно идею создания революционной армии, изложенную в (вышеприведенной. – С. Б.) телеграмме».²⁴

Кроме того, генерал телеграммой известил о решении съезда военного и морского министра, а также просил его отдать «распоряжения всем воинским начальникам по предложению местных советов депутатов немедленно отправлять волонтеров одиночным порядком или группами в указанный вербовочный карточный пункт при условии предъявления ими этих вербовочных карточек исполнительного комитета по формированию революционных батальонов тыла».²⁵ Керенский, все еще находившийся в те дни на Юго-Западном

²⁰ Разложение армии в 1917 году. М. – Л., 1925. С. 68.

²¹ Там же. С. 68.

²² Подробнее об этом см.: Базанов С. Н. Роль А. А. Брусилова в создании добровольческих частей в русской армии в 1917 г. // Великая война 1914–1918. Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны: вып. 2. М., 2013. С. 98–113.

²³ Разложение армии в 1917 году. М. – Л., 1925. С. 64–65.

²⁴ Там же. С. 65.

²⁵ Там же. С. 65.

фронте, подтвердил свое согласие и отправил в Военное министерство телеграмму с распоряжением приступить к созданию ударных частей.²⁶

И если военный министр всецело поддержал начинание Брусилова, то Верховный главнокомандующий в ответной телеграмме, отправленной ему лично из Ставки 18 мая, высказал известный скептицизм и даже серьезные возражения. «Совершенно не разделяю надежд Ваших на пользу для лихой, самоотверженной, доблестной и искусной борьбы с врагом предложенной меры. — писал Алексеев. — **Разрешаю только потому, что Вы эту мысль поддерживаете** (выделено нами. — С. Б.). Военно-учебные заведения мне не подчинены, и разрешить в них вербовку не могу, на это нужно согласие и распоряжение военмина (т. е. Керенского, который согласие уже дал. — С. Б.), которому телеграфирую, но считаю, что мы не имеем права расходовать в качестве рядовой силы наших будущих офицеров, пополнение коих становится все труднее. Вербовка из состава Черноморского флота парализует флот, ибо судовые команды не имеют штатного состава. Разрушение морской силы допустить не могу, запрашиваю, однако, адмирала Колчака (командующего Черноморским флотом. — С. Б.), какое число он мог бы выделить... Что касается крепостей Черного моря, то оттуда можно извлекать элементы только из крепостной артиллерии и небольшого числа инженерных рот. Пехота состоит исключительно из ополчения, которое придется кем-либо пополнить, ибо наличных людей едва хватает для гарнизонной службы».

В то же время Главковерх обещал Брусилову просить военмина «разрешить вести широкую агитацию и вызов охотников (т. е. добровольцев. — С. Б.) в ударные батальоны среди запасных батальонов и полков Петрограда и ближайших окрестностей, равно Москвы с тем, чтобы составленные батальоны спешно отправлялись в Ваше распоряжение». И в заключение Алексеев советовал генералу «сначала обратить внимание на честные элементы своего фронта, не рассчитывая широко на спасение извне. Все, что может дать страна, придет не так скоро. Эти, быть может, и воодушевленные элементы нужно еще спаять, обучить. Выражаю свое мнение, что в недрах [Юго-Западного] фронта... можно найти материал на 12 батальонов, если только от такого числа зависит общее спасение».²⁷

Уже через день, 20 мая, Брусилов, несмотря на прохладное послание Алексеева, восторженно отвечал ему: «мероприятия для создания ударных групп на фронте армий уже проводятся мной в широких размерах в полном контакте с фронтовым съездом делегатов армий, причем я лично имею данные рассчитывать на успех. Я поддерживаю мысль о формировании также ударных революционных батальонов в тылу, потому что считаю полезным все, что клонится к поднятию настроения и будит лучшие чувства в тылу и на фронте в нынешний решающий час». Далее генерал обещал Главковерху: «части Черноморской дивизии и волонтеры Черноморского флота будут ядром и головой формируемых батальонов, успех набора которых, конечно, зависит от подъема духа и агитации в этом направлении в тылу». В заключение Брусилов извещал о ближайших своих действиях: «Сейчас, согласно Вашему разрешению, отдаю предварительные технические распоряжения о формировании в первую очередь 12 батальонов... Местом формирования мною избран район южнее Проскурова при 290-м пехотном запасном полку».²⁸ Вскоре во исполнение распоряжения Брусилова там скомплектовали 14 ударных батальонов, из которых 7 направили на передовые позиции.²⁹

²⁶ Кибовский А. Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз. 1998. № 8. С. 31.

²⁷ Разложение армии в 1917 году. С. 66.

²⁸ Там же. С. 66–67.

²⁹ Голуб П. А. Солдатские массы Юго-Западного фронта в борьбе за власть Советов (март 1917 г. – февраль 1918 г.). Киев. 1958. С. 79; Казачий архив. 2004. Май. С. 17.

Однако на следующий день, 21 мая, в ответной телеграмме Верховный главнокомандующий снова выразил сомнения в целесообразности создания таких частей. Особенно его насторожила мысль генерала о «формировании ударных революционных батальонов в тылу».³⁰ В достаточно жесткой форме Алексеев возражал: «Сбор [в] тылу армии неизвестных и необученных элементов вместо ожидаемой пользы может принести вред для ближнего тыла Ваших армий. Только извлечение надежных людей из состава войск может дать подготовленный материал для формирования».³¹

К счастью для Брусилова, это была последняя телеграмма его непосредственного начальника, ставившая «палки в колеса» его патриотическому начинанию. 22 мая приказом Временного правительства армии и флоту Алексеева сместили с поста Верховного главнокомандующего и вместо него назначили Брусилова (как раз в годовщину победоносного Брусиловского прорыва).³² Еще не зная об этом, Брусилов утром 22 мая издал приказ № 561 по армиям Юго-Западного фронта (полностью игнорировавший телеграмму Алексеева): «Утверждаю при штабе [Юго-Западного] фронта «Исполнительный комитет по формированию революционных батальонов тыла» в составе членов-инициаторов: солдата 46-го саперного батальона Белкина, капитана 21-й автомобильной роты Муравьева, матроса Черноморского флота Кривоконь, подполковника Генерального штаба Манакина, солдата Севастопольского гарнизона Тюпина, подпоручика 46-го саперного батальона Данаусова, прапорщика Севастопольского гарнизона Аристов, подпрапорщика того же гарнизона Хандобина, кондуктора того же флота Булычева и рабочего Севастопольского порта Черникова».³³ Почин был положен.

Став Верховным главнокомандующим, А. А. Брусилов распространил это патриотическое движение на другие фронты. Особенно горячо оно было поддержано Западным фронтом, которым в то время командовал генерал-лейтенант А. И. Деникин. Отметим, что поначалу такие добровольческие части не имели единого названия («ударные батальоны», «батальоны смерти», «дружины смерти» и так далее). Вместо кокарды на фуражках они носили изображение черепа («Адамовой головы»). Тот же череп со скрещенными костями стали изображать на их знаменах.

Тогда же родилась еще одна патриотическая идея – создать женские ударные батальоны. Ее выдвинула старший унтер-офицер М. Л. Бочкарева. Напомним: в 1914 г. она с высочайшего разрешения императора Николая II (женщинам было запрещено служить в армии) пошла рядовым на фронт, четырежды была ранена, стала полным георгиевским кавалером. 1 мая 1917 г. председатель Государственной думы М. В. Родзянко, находясь в агитационной поездке на Западном фронте, узнал об этой необыкновенной женщине. «Родзянко пожелал меня увидеть лично, – вспоминала впоследствии Бочкарева, – я подошла к нему, и он меня поцеловал и приказал сшить для меня новое обмундирование и отправить меня в Петроград».³⁴ В столице Родзянко представил ее солдатским делегатам, собравшимся на сессии Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в Таврическом дворце.

Там Бочкарева впервые выступила с идеей создать женский добровольческий батальон смерти. Затем доложила свой проект на заседании Временного правительства, на котором присутствовал А. Ф. Керенский. «Мне сказали, что моя идея великолепная, – писала она, – но нужно доложить Верховному главнокомандующему Брусилову и посоветоваться с ним.

³⁰ Разложение армии в 1917 году. С. 66–67.

³¹ Там же. С. 67.

³² Вестник Временного правительства. 1917. 26 мая.

³³ Разложение армии в 1917 году. С. 68.

³⁴ «Мой батальон не осрамит России...» Окончательный протокол допроса Марии Бочкаревой // Родина. 1993. № 8–9. С. 78.

Я вместе с Родзянкой поехала в Ставку Брусилова... Брусилов в кабинете мне говорил, что надеетесь ли вы на женщин и что формирование женского батальона является первым в мире. Не могут ли женщины осрамить Россию? Я Брусилову сказала, что я и сама в женщинах не уверена, но если вы дадите мне полное полномочие, то я ручаюсь, что мой батальон не осрамит России... Брусилов мне сказал, что он мне верит и будет всячески стараться помогать в деле формирования женского добровольческого батальона».³⁵

М. Л. Бочкарева с честью выполнила обещание, данное ею Верховному главнокомандующему. В мае-июне она сформировала в Петрограде женский ударный батальон. А 22 июня ему устроили пышные проводы на фронт: вручили боевое знамя с надписью «1-я женская военная команда смерти Марии Бочкаревой», командующий в то время 8-й армией Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов от имени фронтового командования преподнес Бочкаревой именной револьвер и шашку с золотым эфесом, а военный и морской министр А. Ф. Керенский зачитал приказ о производстве её в прапорщики.

Почин был дружно подхвачен женщинами России. Уже в июне явочным порядком были сформированы женские батальоны в Саратове, Мариуполе, Баку, Екатеринбурге, Киеве, Ташкенте и других городах. А после того как 29 июня Военное министерство утвердило положение «О формировании войсковых частей из женщин-добровольцев», женское военное движение, начатое М. Л. Бочкаревой с благословения Брусилова приняло поистине всероссийский размах.

3 июня в Петрограде на организационном заседании делегация Черноморского флота (отправленная в столицу Брусиловым) совместно с представителями Всероссийского союза георгиевских кавалеров, союза казачьих войск и Военного союза личного примера создали Всероссийский центральный комитет по организации Добровольческой революционной армии, известный также как Всероссийский центральный исполнительный комитет по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла. Его председателем избрали капитана М. А. Муравьева.³⁶

В выпущенном вскоре воззвании исполком призывал граждан России вступать в ряды добровольцев: «Для усиления боевой мощи и поднятия революционно-наступательного порыва армии во имя защиты свободы, закрепления завоеваний революции, от чего зависит свобода демократии не только России, но всего мира, приступлено к формированию добровольческой революционной армии, батальоны которой вместе с доблестными нашими полками ринутся на германские баррикады во имя скорого мира без аннексий, контрибуций, на началах самоопределения народов. Граждане! Настал час спасти Отечество... Все, кому дороги судьбы Родины, кому дороги великие идеалы братства народов, рабочие, солдаты, женщины, юнкера, студенты, офицеры, чиновники, идите к нам под красные знамена добровольческих батальонов. Записывайтесь в организационное бюро Всероссийского центрального комитета по созданию Добровольческой армии».³⁷

Согласно выработанной на организационном заседании инструкции набор добровольцев возлагался на специальные областные комитеты и отделы. Комитет учредил также должности комиссаров для вербовки добровольцев на местах. Вскоре началось формирование ударных батальонов тыла. Основным источником их комплектования стали учащиеся, рабочие, интеллигенция и другие категории населения, не подлежащие призыву или еще не призванные в армию, в возрасте не моложе 17 лет. Запись их вели в запасных полках военных округов, тыловых частях и соединениях, обслуживающих действующую армию. Помимо этого, разрешалась вербовка добровольцев в военно-учебных заведениях. Команд-

³⁵ Там же. С. 78.

³⁶ Кибовский А. Указ. соч. С. 31.

³⁷ Разложение армии в 1917 году. С. 68–69.

ный состав батальонов укомплектовывался тоже офицерами-добровольцами, состоявшими в резерве при штабах военных округов или служившими в тыловых частях.

Брусилов горячо приветствовал создание Всероссийского центрального комитета по созданию Добровольческой армии. Но, как известно, действующая армия подчинялась непосредственно Верховному главнокомандующему, поэтому деятельность комиссаров по вербовке во фронтовой полосе была бы сильно осложнена. Чтобы устранить это препятствие, Брусилов 13 июня издал приказ № 439: «признавая организацию добровольческих батальонов крайне полезной для поднятия революционного воодушевления и наступательного порыва в армии и в России, дабы показать армии, что весь свободный русский народ идет с нею в бой за свободу и скорый мир, предлагаю при всех штабах фронтов организовать комитеты по формированию революционных батальонов по типу и с полномочиями комитета при штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта (имеется в виду Брусиловский приказ № 561 по армиям Юго-Западного фронта от 22 мая 1917 г. – С. Б.). При Ставке мною утверждается Центральный исполнительный комитет по формированию революционных батальонов. От всех начальствующих лиц ожидаю широкого содействия в деле формирования революционных батальонов и предоставляю главнокомандующим армиями фронтов видоизменить в деталях план формирования по представлению комитетов в соответствии с местными условиями. Настоящим планом, как более полным, заменяется первое издание плана, утвержденного мною 23 мая сего года для Юго-Западного фронта, по которому начата вербовка волонтеров».³⁸

Председателем Центрального исполнительного комитета по формированию революционных батальонов Брусилов утвердил подполковника В. К. Манакина, членами комитета – подпрапорщика И. Хандобина, капитана 2-го ранга Тихменева, подполковника Добродеева и корнета М. Куракина.³⁹ Таким образом, добровольческое движение получило второй крупный организационный центр, став всероссийским.

Кроме того, Брусилов предложил Временному правительству сохранить добровольцам, ушедшим в ударные батальоны с государственной службы, их должности и оклад, а учащимся, в том числе студентам, гарантировать возвращение в учебные заведения, добровольцам же из военно-учебных заведений – досрочное производство в офицеры за отличие в боях. Такая забота о будущем бойцов ударных батальонов, несомненно, повышала их приток.

Интенсивность процесса создания ударных батальонов в тылу и действующей армии поначалу порождала известный параллелизм и путаницу. Поэтому Брусилов издал 27 июня приказ № 547, в котором разъяснял разницу между фронтовыми и тыловыми ударными батальонами: «1. Ударные части (роты и батальоны смерти) первой категории формируются в пехотных и конных полках из охотников (т. е. добровольцев. – С. Б.) данного полка и являются неотъемлемой частью этого полка. В пехотном полку формируется от одной роты до батальона, за исключением тех случаев, если весь полк изъявит желание быть ударной частью». Они, согласно брусиловскому приказу, оставались «в составе своих полков, имея задачей служить примером доблестного исполнения... долга для остальной части полка, и идти на штурм во главе своего полка». В ряде случаев такие роты сводились в батальоны при своих дивизиях. «2. Революционные же батальоны» формировались из добровольцев, учащих военно-учебных заведений, солдат запасных полков и других тыловых частей военных округов и фронтов, и их не следует смешивать с ударными частями, создаваемыми непосредственно в действующей армии».⁴⁰

³⁸ О попытках Временного правительства России реорганизовать армию // Исторический архив. 1961. № 4. С. 89–90.

³⁹ Там же. С. 93.

⁴⁰ Кибовский А. Указ. соч. С. 33–35.

Спустя месяц, 8 июля, Верховным главнокомандующим А. А. Брусиловым был издан приказ о создании добровольческих подразделений непосредственно в частях и соединениях действующей армии. Согласно приказу в каждом полку формировались роты ударников, которые затем сводились в батальоны, входившие в состав своих дивизий. Одновременно с приказом генерал разослал главнокомандующим фронтами письмо, где обосновал необходимость создания таких частей в действующей армии: «Большевизм сделал свое дело, и армия, в значительной своей части отравленная ядом этой пропаганды, не только не спасает свободу, но, оставаясь непасомым стадом, погубит ее. Настало время действовать энергично и приложить все усилия, дабы сберечь армию и довести до Учредительного собрания что-либо стройное, а не банду вооруженных людей».⁴¹

Вскоре, 15 июля последовал очередной приказ А. А. Брусилова, согласно которому к «частям смерти с почетным правом умереть за Родину» причислялись четыре корпуса (2-й гвардейский, Гвардейский кавалерийский, 6-й и 7-й кавалерийские), пять дивизий (4, 35, 155-я пехотные, 6-я Сибирская стрелковая и 7-я кавалерийская), а также 33 различные воинские части: полки, артиллерийские бригады и отдельные артиллерийские дивизионы, ряд рот, батарей, эскадронов и команд.⁴²

В течение июня – июля Всероссийский центральный исполнительный комитет по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла организовал около 80 вербовочных пунктов, через которые в действующую армию за вышеуказанный период поступило около 40 тысяч человек. Из них в дальнейшем создали 2 ударных полка и свыше 50 батальонов смерти.

Однако для семимиллионной действующей армии это была «капля в море». На фронте господствовали «шкурные» настроения. Здесь с каждым днем увеличивалось число антивоенных выступлений. И если в марте – апреле солдатские массы стихийно боролись с выдвинутым Временным правительством лозунгом «Война до победного конца», то уже в период непосредственной подготовки летнего наступления в мае – начале июня командование все чаще сталкивалось с организованными сознательными отказами солдат идти в предстоящее наступление.

Между тем обещание, данное Временным правительством союзникам, надо было выполнять, и несмотря на мощное антивоенное солдатское движение, русское верховное командование усиленно готовилось к предстоящему наступлению. 4 июня Верховный главнокомандующий А. А. Брусилов отправил главнокомандующим фронтами телеграмму, в которой определялись сроки наступления: для Юго-Западного фронта – 14 июня, Западного – 22 июня, Северного и Румынского – 1 июля. По плану Брусилова, главный удар должны были нанести армии Юго-Западного фронта. В связи с этим его главнокомандующий генерал-лейтенант А. Е. Гутор поставил перед армиями фронта задачи: 11-й (командующий генерал от инфантерии И. И. Федотов) и 7-й (командующий генерал-лейтенант Л. Н. Белькович) армиям прорвать фронт и развивать наступление на Львов, 8-й армии (командующий генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов) наносить вспомогательный удар в направлении на Калуш, Болехов. А Особой армии (командующий генерал от инфантерии П. С. Балувев) – сковать активными действиями противника и противодействовать ему, перебрасывая войска в район главного удара. На участках прорыва создавалось превосходство над противником в живой силе в три раза и в артиллерии в два раза.

Таким образом, создав достаточно мощную группировку войск на Юго-Западном фронте, А. А. Брусилов стремился как можно быстрее начать наступление. Однако оно было отложено на четыре дня в связи с тем, что находившийся в очередной раз на Юго-Западном

⁴¹ Жилин А. П. Указ. соч. С. 163–164.

⁴² Военная энциклопедия: в 8 тт. Т. 1. М., 1997. С. 385.

фронте военный и морской министр А. Ф. Керенский решил объехать войска и поднять их наступательный дух. «Весь день 17 июня, – писал впоследствии Керенский, – я провел, объезжая полки, которые готовились на рассвете следующего дня начать наступление. Утром 18 июня над всей линией фронта воцарилась атмосфера напряженного ожидания. Такую атмосферу можно ощущать в российских деревнях в канун пасхальной Всенощной. Мы поднялись на наблюдательный пункт, расположенный на одном из холмов, идущих вдоль нашей передовой линии. Воздух сотрясаясь от залпов тяжелых орудий, над головами с пронзительным воем проносились снаряды... Вдруг наступила мертвая тишина: настал час наступления. На мгновение нас охватил дикий страх: а вдруг солдаты не захотят пойти в бой? И тут мы увидели первые линии пехотинцев, с винтовками наперевес атаковавших первую линию немецких окопов».⁴³

Начавшееся 18 июня наступление 11-й и 7-й армий, наносивших наиболее мощный главный удар на Львов на участке Поморжаны – Бережаны, развивалось очень медленно. Но 23 июня в наступление перешла 8-я армия Л. Г. Корнилова, наносившая вспомогательный удар с фронта Галич – Станислав на Калуш и Болахов. Войска Корнилова (до 10 дивизий) в течение 23–24 июня прорвали оборону противника на всю тактическую глубину, захватив при этом более 7 тыс. пленных и 48 орудий. В последующем, развивая успех, 8-я армия взяла города Калуш и Галич и к концу июня вышла на реку Ломница. Здесь необходимо отметить, что за эти успешные боевые действия приказом Временного правительства от 27 июня Корнилов был произведен в чин генерала от инфантерии, а вскоре, 7 июля, назначен главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта.

Однако, не имея резервов для наращивания успеха и достаточного количества боеприпасов, войска 8-й армии вынуждены были приостановить продвижение. В целом же за 12 дней боев войска Юго-Западного фронта взяли в плен 800 офицеров и около 36 тыс. солдат неприятеля, захватили 127 орудий и минометов, свыше 400 пулеметов и другое военное имущество.

Пользуясь затишьем на Западном (французском) фронте, противник перебросил на Юго-Западный фронт 3 австро-венгерские и 13 германских дивизий. 6 июля австро-германские войска перешли в контрнаступление, нанося главный удар вдоль железной дороги Львов – Тарнополь. Первоначально развитый тактический успех армий Юго-Западного фронта сменился беспорядочным (главным образом из-за падения воинской дисциплины) отходом, что грозило прорывом всего этого фронта. Новый главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Л. Г. Корнилов увидел выход из стремительно развивающейся катастрофы в планомерном отступлении войск фронта. Сначала отошла 11-я армия, где было наиболее угрожающее положение, а затем – 7-я и 8-я армии. Во время отхода Корнилов в очередной раз проявил сильную волю и высокие организаторские способности. Отход прекратился лишь к 15 июля на рубеже Броды – Збараж – Гримайлов – река Збруч – река Серет. Установленный Корниловым рубеж и стал впоследствии новой линией фронта. Кроме того, генерал точно предопределил направление главного удара противника, что спасло войска 7-й и 8-й армий от разгрома.

Необходимо отметить, что и в этой не приведшей к победе операции многие солдаты и офицеры шли на самоотверженные поступки. Напомним лишь об одном из них. Его совершил командир 7-го авиационного отряда истребителей 7-й армии корнет Ю. В. Гильшер. Он окончил Военную авиационную школу в городе Гатчина. С 1916 г. находился в действующей армии, где во время одного из полетов потерпел аварию и лишился ноги. Однако после лечения вернулся на фронт, где продолжал принимать участие в воздушных боях, из которых не раз выходил победителем. За проявленную храбрость он был награжден рядом орденов,

⁴³ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 199.

в том числе Святого Георгия 4-й степени. Отличился отважный летчик и в воздушных боях в период Июньского наступления. 4 июля он один вступил в поединок с технически более совершенным двухместным неприятельским самолетом. Знали бы вражеские летчики, что против них двоих вышел инвалид, да еще на латаном-перелатаном легком истребителе! В этом неравном бою Гильшер одержал победу. За этот подвиг он был представлен к высокой награде – Георгиевскому оружию. Вечером 7 июля над аэродромом 7-го авиаотряда, находившимся недалеко от города Бучач, пролетело 8 самолетов противника в направлении на Тарнополь, где находился крупный железнодорожный узел, где образовалось большое скопление санитарных поездов с ранеными в ходе наступления русскими солдатами. Чтобы помешать неприятелю провести бомбардировку узла, Гильшер, прапорщик В. Янченко и поручик Макиенок подняли свои самолеты в воздух и полетели догонять противника, которого настигли уже вблизи Тарнополя. Но тут сзади показалось еще восемь вражеских самолетов. Наши летчики оказались в окружении 16 самолетов противника. Но отважные асы не стали прорываться из окружения, а смело вступили в воздушный бой. Вскоре Гильшер сбил один вражеский самолет, затем подошел снизу к другому и открыл огонь. Атакованный в это время сверху сразу несколькими самолетами противника, самолет Гильшера был буквально разорван на части. Тело героя было извлечено из-под обломков и отправлено в его авиаотряд. Здесь, недалеко от аэродрома в городе Бучач, он был и похоронен. Как реквием герою, звучат слова из приказа по 7-му авиаотряду истребителей: «Вступив в бой, несмотря на значительный перевес противника, доблестный командир отряда был сбит, будучи атакован несколькими неприятельскими самолетами сразу. Да послужит всем боевым орлам этот святой героический подвиг военного летчика корнета Гильшера, как пример безграничной преданности Родине и безупречного выполнения своего долга».⁴⁴

С Июньским наступлением по общему плану были связаны вспомогательные удары на Вильно 5-й армии Северного фронта у Двинска и 10-й армии Западного фронта у Крево, проведенные в середине июля.

8 июля на участке 5-й армии (командующий генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов) рано утром началась артиллерийская подготовка. Перед ударной группой, сформированной из нескольких частей 1, 13, 14-го армейских корпусов и одной дивизии 37-го, ставилась задача нанести германцам удар на фронте озеро Медум – озеро Скирна с целью захватить их главную укрепленную полосу. Затем, взаимодействуя с войсками соседней 10-й армии Западного фронта, надо было наступать в направлении железной дороги Двинск – Вильно. Соседней, правофланговой 12-й, армии Северного фронта предстояло поддерживать боевые действия 5-й армии. После окончания артподготовки на правом фланге 5-й армии перешли в наступление три пехотные дивизии – 24, 36 и 182-я 1-го и 13-го армейских корпусов. Они прорвали укрепления противника, но, не имея резервов и поддержки с тыла, развить наступление не смогли. Не лучше было положение и на левом фланге армии в районе озера Дрисвяты, где наступали части 14-го армейского корпуса в составе 18, 70 и 120-й пехотных дивизий. Лишь одна из них – 70-я – прорвала сильно укрепленную оборону немцев, но, не сумев закрепить успеха, 10 июля отошла на исходные позиции. В итоге трехдневных боев потери 5-й армии составили более 12 тыс. убитых и раненых. При таких многочисленных потерях во время наступления было взято в плен всего около 200 немецких солдат. 15 июля командующий 5-й армией генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов в приказе отмечал, что причина неудачи наступления – отсутствие порыва пехоты, явившееся результатом «злостной пропаганды большевиков» и общего длительного разложения армии.⁴⁵

⁴⁴ Подробнее об этом см.: Поляновский Э. Юрочка // Известия. 1996. 2 ноября; Аверченко С. В. Юрий Гильшер // Мир авиации. 1999. № 1. С. 2–7.

⁴⁵ Базанов С. Н. В борьбе за Октябрь на Северном фронте. 5-я армия. М., 1985. С. 56.

Одновременно с 5-й армией Северного фронта в наступление перешла 10-я армия (командующий генерал-лейтенант П. Н. Ломновский) соседнего Западного фронта, также не добившаяся военного успеха. Здесь, пожалуй, стоит рассказать об участии в этом наступлении женского батальона прапорщика М. Л. Бочкаревой. 27 июня 200 его бойцов прибыли из Петрограда на Западный фронт, в район города Молодечно, где сначала были размещены в тыловом районе 1-го Сибирского армейского корпуса, входившего в состав 10-й армии. 7 июля 525-й Кюрюк-Дарьинский пехотный полк (132-я пехотная дивизия) получил приказ выдвинуться на позиции в местечко Крево. Входивший в его состав женский батальон Бочкаревой расположился на правом фланге полка. В течение двух суток (9 и 10 июля) полк отразил 14 атак противника и, несмотря на сильный пулеметный огонь, несколько раз переходил в контратаки. В этих кровопролитных боях участвовали 170 женщин-добровольцев. Полковник В. И. Закржевский, в подчинении которого они находились, писал в донесении: «Отряд Бочкаревой вел себя в бою героически, все время в передовой линии, неся службу наравне с солдатами. При атаке немцев по своему почину бросился как один в контратаку; подносили патроны, ходили в секреты, а некоторые в разведку; своей работой команда смерти подавала пример храбрости, мужества и спокойствия, поднимала дух солдат и доказала, что каждая из этих женщин-героев достойна звания воина русской революционной армии».⁴⁶ Отметим, что сама М. Л. Бочкарева была в этих боях ранена (в пятый раз) и отправлена в госпиталь. После полуторамесячного лечения вернулась на фронт в свой батальон. За проявленный героизм она была произведена в поручики.

С Июньским наступлением была также связана и совместная операция русских и румынских армий на Румынском фронте (помощник главнокомандующего армиями фронта генерал от инфантерии Д. Г. Щербачев. Главнокомандующим номинально числился король Румынии Фердинанд I), вошедшая в историю как Мэрэшештское сражение. 11 июля русско-румынские войска начали наступление в районе Мэрэшешти. Поначалу оно развивалось успешно, но 24 июля австро-германское командование осуществило операцию по нанесению ответного удара у Мэрэшешти, а через два дня – у села Ойтуз, рассчитывая захватить еще не оккупированную противником часть Румынии и затем прорваться на территорию России. Однако в результате упорных боев австро-германские войска вынуждены были отступить, понеся значительные потери.

Общая численность потерь на всех четырех задействованных в Июньском наступлении русских фронтах составила свыше 150 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Самые большие потери – 132 тыс. человек – понес Юго-Западный фронт, где наносился главный удар. Однако несмотря на неудачный исход Июньского наступления, действия русских войск в тот период явились серьезным испытанием для противника. Немецкий генерал пехоты Э. Людендорф, бывший в то время начальником штаба Главнокомандующего на Востоке, в мемуарах так оценивал тогдашнюю ситуацию на Восточно-Европейском театре военных действий: «Когда теперь я мысленно прикраиваю июльские успехи на апрель или май (время наступления союзников на Западном (Французском) фронте. – С. Б.), то я с трудом себе представляю, как бы верховное командование вышло из создавшегося положения».⁴⁷ Генерал четко указывал на одну из важных причин неудачи Июньского наступления – оно не получило развития из-за отсутствия поддержки со стороны союзников, но главной же причиной его неудачи считал нежелание русских солдат продолжать войну.⁴⁸

⁴⁶ Сенин А. С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 163–164.

⁴⁷ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. В 2-х тт. Т. 1. М., 1923. С. 21.

⁴⁸ Там же. С. 21.

16 июля в Ставке в Могилеве состоялось совещание, посвященное неутешительным итогам прошедшего наступления. На нем присутствовал морской и военный министр А. Ф. Керенский, крайне недовольный результатом операции, на которую возлагал большие надежды. Верховный же главнокомандующий А. А. Брусилов в своем выступлении в резких тонах говорил о необходимости введения железной дисциплины на фронте, настаивал на существенном ограничении прав солдатских комитетов и тому подобное. Керенский не выдержал, прервал выступление Брусилова и произнес короткую речь, в конце которой заявил: «кто не может примириться с новым порядком, пусть не насилует себя и пусть уходит».⁴⁹ Совещание закончилось поздно ночью. Керенский сразу же уехал в Петроград. Через три дня, 19 июля, Брусилов получил короткую телеграмму: «Временное правительство постановило назначить вас в свое распоряжение. Верховным главнокомандующим назначен ген. Корнилов».⁵⁰

Меньше чем за две недели генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов сделал поистине головокружительную карьеру: от командующего армией до Верховного главнокомандующего. Сразу же после утверждения в должности он энергично взялся за дело спасения армии от развала. Уже через неделю после прибытия в Ставку в Могилев, он изложил на совещании свою «Военно-политическую программу», в которой, кстати, далеко выходил за рамки полномочий, очерченных статусом Верховного главнокомандующего, и смело вторгся в политическую сферу. В ней содержались политические претензии общегосударственного характера и требования резкой перемены правительственного курса. В те дни Л. Г. Корнилов наедине заявил своему соратнику и единомышленнику А. И. Деникину, бывшему тогда главнокомандующим армиями Западного фронта генерал-лейтенанту: «Нужно бороться, иначе страна погибнет. Предлагают мне войти в состав правительства. Ну нет! Эти господа слишком связаны с советами и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть, тогда я поведу решительную борьбу».⁵¹

На Л. Г. Корнилова стали возлагать надежды не только либеральная интеллигенция, но крупные промышленники и вообще все политические силы, стоявшие правее Временного правительства. Они стали смотреть на генерала как на лидера зарождавшегося Белого движения. Видя усиление этих настроений, глава Временного правительства А. Ф. Керенский попытался перехватить инициативу, созвав Государственное совещание с участием умеренно правых и умеренно левых политических деятелей. Оно состоялось в Москве 12–15 августа. На совещании Керенский пытался выступить в роли объединителя центристских сил, однако оказалось, что самой заметной фигурой среди присутствующих стал не он, а Корнилов, которого восторженно приветствовала публика, буквально нося его на руках. Московское государственное совещание показало, что противники левых сил готовы к консолидации и решительным действиям. Кроме того, у них появился лидер. Следует отметить, что Корнилов не только произносил речи о необходимости наведения порядка в стране и армии, но и действовал в этом направлении. Так, в день открытия Государственного совещания он подписал приказ о создании Георгиевских запасных полков (из георгиевских кавалеров) – личной гвардии Верховного главнокомандующего. Правда, был создан всего один такой полк, названный Корниловским.

Наставшее после Июньского наступления затишье вскоре было прервано. Германское командование решило воспользоваться тем, что одна из трех армий Северного фронта – 1-я – была еще в июле переброшена на Юго-Западный фронт для участия в готовящемся там наступлении. Поэтому главный удар противник планировал обрушить на занимавшую пра-

⁴⁹ Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 4. С. 151–187.

⁵⁰ Брусилов А. А. Указ. соч. С. 217.

⁵¹ Деникин А. И. Указ. соч. С. 451–452.

вый фланг Северного фронта 12-ю армию (командующий генерал-лейтенант Д. П. Парский) с целью ее разгрома, овладения Ригой и создания военной угрозы непосредственно Петрограду. Рижская наступательная операция 8-й германской армии началась на рассвете 19 августа: вражеская артиллерия открыла массированный огонь химическими снарядами по русским позициям в районе станции Икскуль, затем вражеские войска форсировали Западную Двину (Даугаву). Два дня шли упорные оборонительные бои, части 12-й армии неоднократно контратаками отбрасывали неприятеля назад.

В этих боях массовый героизм совершили солдаты и офицеры 5-го Земгальского латышского стрелкового полка (командир полковник И. И. Вацетис) – им пришлось выдерживать натиск целой германской дивизии. Причем позиция стрелков состояла из траншей, оборудование которых не было закончено. Утром 20 августа после мощной артиллерийской подготовки противник перешел в наступление. Хотя неприятельская артиллерия местами разрушила окопы и причинила ущерб их защитникам, они отразили первую атаку немцев, нанеся им большие потери. После нового артиллерийского обстрела противник снова пошел в атаку, но опять был отброшен на исходные позиции. Такие атаки повторялись несколько раз, и постоянно перед траншеями, защищаемыми стрелками, оставались сотни трупов противника. После полудня кончились снаряды и положение защитников позиций, понесших значительные потери, стало очень тяжелым. Бои почти всюду шли уже у самых наших окопов, а на отдельных участках немцам удалось в них ворваться. Несмотря на это уцелевшие стрелки стойко обороняли свои позиции.

Один из участников этого сражения впоследствии вспоминал: «Резервы бригады были исчерпаны, пришлось полагаться лишь на собственные силы. Неприятельские цепи одна за другой шли на нас. Для нас начался самый ужасный эпизод боя. В ход были пущены пулеметы, ручные гранаты, приклады, котелки, камни и кулаки. Именно здесь латышские стрелки доказали свою храбрость и стойкость. В некоторых местах стрелки под руководством своих офицеров бросались на немцев и с помощью штыков отбрасывали их далеко от наших окопов». ⁵² Только получив указание вышестоящего командования, командир полка И. И. Вацетис дал распоряжение об отходе. Но перед отступлением он собрал последние резервы полка: рота, охранявшая штаб полка, связисты и другие оказавшиеся у штаба стрелки под непосредственным руководством командира полка последний раз пошли в контратаку и отбросили противника. После этого остаткам полка удалось отступить без преследования со стороны немцев.

Героизм, проявленный стрелками 5-го Земгальского латышского стрелкового полка, дал возможность вывести из-под угрозы окружения 2-й и 6-й Сибирские армейские корпуса и избежать окружения всей 12-й армии. За проявленную стойкость и мужество Георгиевскими крестами были награждены 642 стрелка этого полка, то есть более трети его боевого состава, что в годы Первой мировой войны было чрезвычайно редко. Справедливости ради следует отметить, что в Рижской оборонительной операции проявили героизм и другие латышские полки. Храбро сражались также солдаты многих русских полков, особенно сибирских. Проявленный массовый героизм многих частей 12-й армии лишил германские войска возможности продвигаться дальше, так как они были обескровлены.

Однако, опасаясь окружения, командующий армией Д. П. Парский отдал приказ об отступлении к Вендену. В ночь на 21 августа войсками 12-й армии были оставлены Рига и Усть-Двинск. С 21 по 24 августа войска армии совершили отход до Венденской позиции, где и закрепились. Замысел германского командования окружить и уничтожить основные силы 12-й армии был сорван. Следует отметить, что немалую роль в этом сыграла активная деятельность русской армейской разведки, своевременно добывшей исчерпывающую

⁵² История латышских стрелков (1915–1920). Рига, 1972. С. 169–170.

информацию о намерениях противника. Потери 12-й армии составили 25 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Отметим, что в стратегическом отношении Рижская оборонительная операция не оказала существенного влияния на ход кампании 1917 г. на Восточно-Европейском театре военных действий, но она имела большое политическое значение для России, так как была использована Верховным главнокомандующим Л. Г. Корниловым для своего рокового выступления.

Еще в период боев под Ригой Корнилов начал готовить план наведения порядка в Петрограде. Напомним, что 25 августа он двинул с фронта в сторону столицы 3-й кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта А. М. Крымова. На следующий день Корнилов предложил А. Ф. Керенскому ввести в Петрограде военное положение, передав власть Верховному главнокомандующему, а самого главу Временного правительства вызвал в Ставку в Могилев. Действия генерала Керенский расценил как начало военного мятежа и в ночь на 27 августа послал ему телеграмму о смещении с поста Верховного главнокомандующего. Утром 27 августа в экстренных выпусках многих газет уже называли Корнилова государственным изменником.

В тот же день генерал ответил на это ставшим знаменитым заявлением, которое было разослано телеграммой по линиям железных дорог и адресовано всем начальствующим лицам и учреждениям: «Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто – я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри. Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, – в храмы, молитесь Господа Бога об явлении величайшего чуда, спасения родимой земли. Я, генерал Корнилов, – сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь, довести народ – путем победы над врагом, до Учредительного Собрания, на котором Он Сам решит свои судьбы и выберет уклад своей новой Государственной жизни. Предать же Россию в руки ее исконного врага – германского племени и сделать народ рабами немцев, – я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской земли. Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины!».⁵³

К 30 августа движение частей 3-го кавалерийского корпуса было остановлено. Генерал А. М. Крымов, командовавший корпусом, 31 августа застрелился. И все же Л. Г. Корнилов не желал сдаваться. В тот же день он написал новые требования Временному правительству, обещая быть лояльным, «если будет объявлено России, что создается сильное правительство, которое поведет страну по пути спасения и порядка». Корнилов еще раз подчеркнул, что для себя он «ничего не искал и не ищет», а добивается лишь установления в стране твердой власти, способной вывести Россию и армию из позора, в который они ввергнуты нынешним правительством. Тогда А. Ф. Керенский решил захватить Ставку и выделил войска для похода на Могилев. Узнав об этом, Корнилов созвал совещание своих единомышленников. У присутствующих на совещании генералов и офицеров было боевое настроение. Бывший Верховный главнокомандующий предлагал принять бой. Однако начальник штаба Ставки генерал от инфантерии М. В. Алексеев убедил его подчиниться правительству «во имя блага Родины». Наконец, 1 сентября Корнилов решил добровольно сложить полномочия Верховного главнокомандующего и пойти под арест. Небезынтересно привести оценку выступления Л. Г. Корнилова, данную А. А. Брусиловым и содержащуюся в воспоминаниях

⁵³ История гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 199.

последнего: «Считаю, что этот безусловно храбрый человек, провозгласив себя без всякого смысла диктатором, погубил своей выходкой множество офицеров. Но должен сказать, что все, что он делал, он делал, не обдумав, не вникая в глубь вещей, но с чувством честного русского патриота».⁵⁴

Прибывшая 2 сентября в Ставку в Могилев созданная Временным правительством в связи с корниловским выступлением Чрезвычайная следственная комиссия по делу генерала Корнилова незамедлительно провела аресты ряда генералов и офицеров. По ее распоряжению Л. Г. Корнилов и другие арестованные содержались под домашним арестом в местной гостинице «Метрополь». После первых допросов Корнилову предложили письменно изложить показания, что он и сделал. Через четыре дня «Объяснительная записка генерала Корнилова» была напечатана в газете «Общее дело». В ночь на 12 сентября его вместе со сподвижниками перевезли в маленький городок Быхов, находившийся в 50 км от Могилева. Здесь они, а всего было арестовано 32 генерала и офицера Ставки, были помещены в здание женской гимназии, размещавшейся в бывшем католическом монастыре. Для охраны узников было выделено три сотни с пулеметной командой из Текинского полка и рота караула из Георгиевского батальона. Чрезвычайная следственная комиссия по делу генерала Корнилова начала готовить судебный процесс.

Здесь необходимо отметить, что корниловское выступление повлекло за собой новые гонения Временного правительства на и так уже сильно поредевший с Февральских дней офицерский корпус. Во всех армиях были созданы «чрезвычайные следственные комиссии по расследованию всех дел, возникающих в связи с заговором Корнилова», куда входили комиссары Временного правительства и члены солдатских комитетов. Эти органы весьма рьяно выискивали «активных корниловцев». Причем под подозрение часто попадали просто честные и принципиальные командиры. Буквально за одну неделю действующая армия лишилась многих талантливых генералов и офицеров, а освободившиеся вакансии заняли их менее образованные коллеги, ради карьерного роста готовые служить любой власти. Сам же «победитель заговора генералов» А. Ф. Керенский, ни дня не прослуживший в армии, 30 августа назначил себя Верховным главнокомандующим.

⁵⁴ Брусилов А. А. Указ. соч. С. 219.

Русская армия в канун октября

В начале осени 1917 г. в стране, как известно, разразился Общенациональный кризис, завершившийся 25 октября свержением Временного правительства и взятием власти большевиками. Естественно, социально-политические процессы, происходившие в то время в стране, не могли не отразиться и на действующей армии.

9 сентября начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М. В. Алексеев отказался от занимаемой должности и подал в отставку. На его место А. Ф. Керенский назначил генерал-лейтенанта Н. Н. Духонина. «В лице Духонина, ставшего фактически Верховным главнокомандующим, – писал по поводу его назначения находившийся в «Быховском заточении» по корниловскому делу генерал-лейтенант А. И. Деникин, – Керенский и революционная демократия, представленная комиссарами и комитетами, нашли действительно тот идеал, который они долго и напрасно искали до тех пор. Духонин – храбрый солдат и талантливый офицер генерального штаба принес им добровольно и бескорыстно свой труд, отказавшись от всякой борьбы в области военной политики и примирившись с ролью «технического советника» – той ролью, которую революционная демократия мечтала навязать всему командному составу. Духонина никто из них не заподозривал в малейшем отсутствии лояльности. Он не препятствовал продолжавшимся упражнениям новоявленных творцов «революционной армии». Но в противовес другим генералам, видевшим в этом направлении новые перспективы для неограниченного честолюбия или более покойные условия личного существования, – он шел на такую роль, заведомо рискуя своим добрым именем, впоследствии и жизнью, исключительно из-за желания спасти положение. Он видел в этом единственное и последнее средство».⁵⁵

Другой известный военный деятель, исполняющий в то время должность начальника штаба главнокомандующего армиями Румынского фронта, генерал-лейтенант Н. Н. Головин также был высокого мнения о новом начальнике штаба Верховного главнокомандующего. «Обладая такою же личною храбростью и таким же мужеством, как ген. Корнилов, – писал впоследствии Головин, – ген. Духонин, кроме того, обладал еще одним громадным качеством: он обладал большим спокойствием духа, позволявшим его разуму трезво оценивать существующую реальную обстановку, а это гарантировало Русскую Армию от каких-либо авантюрных мероприятий. Будучи горячим патриотом, он в то же время соединял этот патриотизм с большой терпимостью ко взглядам инакомыслящих, а это, в свою очередь, содействовало широкому государственному кругозору. Отсутствие честолюбия облегчало ему не только в сознательных своих действиях, но и в подсознательных, руководствоваться одной только идеей – спасением России; какая бы то ни была примесь стремления, хотя бы бессознательного, соединить непременно спасение России со своим «Я» отсутствовала у него. Ген. Духонин в полном смысле слова был человеком, который смотрел на служение Родине как на жертвенный подвиг, вовсе не сопровождающийся обязательно личной славой.

Если ген. Алексеев представлял собою генерала старой формации, умудренного громадным опытом Верховного Главнокомандования, то ген. Духонин являлся молодым генералом, по своим личным качествам наиболее отвечавшим творческой работе по воссозданию Российской Армии в новых условиях, создавшихся с падением Царской власти. Но подобно генералу Алексееву, генерал Духонин был слишком скромен и потому не отвечал облику «революционного» генерала, создавшемуся в представлении нашей интеллигенции, воспитанной на идеализации большой французской революции. По этой причине такие лица, как генерал Духонин, не могли быть призваны вовремя.

⁵⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 1991. С. 96–97.

Подобно тому как возвращение генерала Алексеева на верховождение Действующей Армии явилось запоздалым, так же точно запоздалым было появление на этих верхах генерала Духонина». ⁵⁶

Менее чем за два месяца Н. Н. Духонин провел огромную работу, далеко выходящую за рамки обязанностей начальника штаба Верховного главнокомандующего. «Он внес большой вклад, – писал о генерале его непосредственный начальник А. Ф. Керенский, – в быструю и планомерную реорганизацию армии в соответствии с новыми идеалами. После ряда совещаний в Петрограде и Могилеве, в которых приняли участие не только министр армии и флота, но также главы гражданских ведомств – министры иностранных дел, финансов, связи и продовольствия, – он составил подробный отчет о материальном и политическом положении вооруженных сил. Из отчета следовал один честный вывод: армию следует сократить, реорганизовать и очистить от нелояльных лиц среди офицерского состава и рядовых. После этого армия будет способна охранять границы России и, если не предпринимать крупных поступательных операций, защитить ее коренные интересы». ⁵⁷ Здесь необходимо пояснить, что А. Ф. Керенский имел в виду составленную Ставкой Верховного главнокомандующего по заданию Временного правительства «Программу мероприятий по поднятию боеспособности армии к весне 1918 года», одним из основных авторов которой был Духонин.

К этому следует добавить, что генерал разрабатывал также проект создания Русской народной армии, в основу которого был положен принцип территориального и добровольного комплектования частей. Несомненной заслугой Духонина является также создание национальных частей в составе русской армии. Так, по его приказу № 613 от 26 сентября был создан Отдельный Чешско-Словацкий корпус, объединивший в своих рядах все чехословацкие части, сформированные к этому времени на территории России. ⁵⁸ Корпус состоял из двух дивизий и запасной бригады, основную массу его офицеров и солдат (около 45 000 человек) составляли бывшие военнопленные австро-венгерской армии, готовые сражаться на стороне России за свободу своей Родины. Однако многим другим духонинским планам, весьма полезным для русской армии, так и не суждено было осуществиться.

После ликвидации Временным правительством корниловского выступления в действующей армии еще в большей степени, чем весной 1917 г., упала воинская дисциплина. Авторитет правительства и его главы А. Ф. Керенского резко понизился в глазах как офицерского корпуса, так и солдатских масс. С одной стороны, этому способствовали слухи о том, что Корнилов и Керенский якобы заранее договорились занять войсками Петроград и разогнать советы, но Керенский в последний момент струсил. Эта версия, как известно, распространялась и крайне правой, и крайне левой прессой. С другой стороны, Керенский сам собственными последующими действиями способствовал дальнейшему падению авторитета Временного правительства. Речь идет об изданных им в начале сентября приказах, по содержанию очень похожих на подписанные Корниловым июльские, – об установлении на фронте железной дисциплины. Однако разница состояла в том, что они уже не оказывали влияния на солдат.

Авторитет командования, комиссаров Временного правительства и солдатских комитетов, состоящих из эсеров и меньшевиков, также резко упал. Именно период сентября – октября характерен значительным оживлением антивоенных выступлений в действующей армии и многочисленными братаниями с противником. Резкой активизации братания способствовало и то обстоятельство, что новый состав переизбранных солдатских комитетов, где руководство перешло к большевикам, практически легализировал братание и взял про-

⁵⁶ Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. 1. М., 2011. С. 230–231.

⁵⁷ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 297.

⁵⁸ Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 183.

ведение его в свои руки. Осенью 1917 г. оно приобрело черты, которых не имело весной, – большую массовость и организованность, в чем, несомненно, сказалась большевизация солдатских комитетов.

Следует еще раз подчеркнуть: для дезорганизации армии наиболее серьезным видом нарушения воинской дисциплины, свидетельствующим о действительном падении боеспособности, как справедливо считала и Ставка Верховного главнокомандующего, было именно братание. Например, в объяснительной записке Военно-политического отдела Ставки о состоянии армии в октябре так и указывалось: «в целом ряде таких нарушений самым важным является, несомненно, братание с противником, так как, с одной стороны оно служит проявлением наивысшей деморализации войск, а с другой стороны, сильнее всего подрывает основы боеспособности и дисциплины, вызывая целый ряд эксцессов и осложнений».⁵⁹ В этой характеристике содержится ответ на вопрос, почему большевики так настойчиво вновь взялись за организацию братаний, а немецкое командование, как и весной 1917 г., снова прекратило активные военные действия на Восточном (русском) фронте, чтобы не мешать дальнейшему разложению русской действующей армии.

Генерал-лейтенант Н. Н. Головин впоследствии писал об этом периоде: «На самом же фронте Действующей Армии, после победы над Корниловым, развал пошел уже полным ходом. Большевики и наши враги германцы энергично эксплуатируют создавшееся положение. “Настроение фронта, – доносит в своей сводке комиссар Западного фронта Жданов, – ухудшается в связи с пораженческой агитацией, вливающейся в войска путем печати и проповеди большевизма; распространяются газеты “Буревестник”, “Товарищ”, немецкая газета “Русский вестник”...»⁶⁰

Впрочем, не мешая братанию на сухопутном Восточно-Европейском театре военных действий, германское командование готовило морскую операцию. После занятия Риги 21 августа противник решил уничтожить Морские силы Рижского залива и захватить Моонзундские острова, чтобы сделать из них исходный плацдарм для удара по Петрограду. Пользуясь бездействием английского флота, германское командование сосредоточило в восточной части Балтийского моря две трети своих военно-морских сил, сведенных в отряд особого назначения под командованием вице-адмирала Э. фон Шмидта (свыше 300 кораблей и судов, в том числе 10 линкоров, 1 линейный крейсер, 9 крейсеров, 69 эсминцев и миноносцев, 6 подводных лодок, около 100 тральщиков). Десантные войска неприятеля насчитывали около 25 тыс. человек, вооруженных 40 орудиями, 85 минометами и 225 пулеметами. Их воздушное прикрытие обеспечивали 94 самолета и 6 дирижаблей. Общее руководство Моонзундской операции германского флота (кодовое название – «Альбион») осуществлял командующий 8-й германской армией генерал пехоты О. фон Гутьер. Обороняли Моонзундские острова 116 русских кораблей и судов (в том числе 2 устаревших линкора, 3 крейсера, 36 эсминцев и миноносцев, 3 подводные лодки, 5 минных заградителей, 3 канонерские лодки), 30 самолетов, 10 тыс. пехотинцев и 2 тыс. кавалеристов, располагавших 64 полевыми орудиями и 118 пулеметами. Моонзундская минно-артиллерийская позиция состояла из минных заграждений, 9 береговых батарей (37 орудий) и 12 зенитных батарей (37 орудий).

Надо признать, что командующий Морскими силами Рижского залива вице-адмирал М. К. Бахирев и начальник обороны Моонзундского архипелага контр-адмирал Д. А. Свешников не приняли эффективных мер по организации противодействия германскому флоту. 29 сентября высадкой десанта в бухте Тага-Лахт на острове Эзель противник начал наступательную операцию. Пользуясь численным превосходством, германские войска 3 октября

⁵⁹ Базанов С. Н. К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941 годы. Статьи, документы. М., 1999. С. 66.

⁶⁰ Головин Н. Н. Указ. соч. С. 233.

овладели островом Эзель, 5 октября – островом Моон и 6 октября – островом Даго, однако понесли огромные потери. Так, оборона острова Моон продолжалась с 2 по 5 октября. Трое суток Ревельский ударный морской батальон вел бой с превосходящими силами противника. Морские пехотинцы-ударники отвергли все предложения врага о сдаче. Пришедшие русские корабли под огнем неприятеля эвакуировали оставшихся в живых героев.

1 октября 17 германских эсминцев при поддержке огня линкора после боя с 4 нашими эсминцами и одной канонерской лодкой (позже поддержанной 8 эсминцами и одной канонерской лодкой), прорвались в Кассарский плес. В сражении было выведено из строя четыре германских эсминца. Поврежденный же русский эсминец «Гром», команду которого сняла канонерская лодка «Храбрый», мог стать трофеем противника. Однако минный машинист Ф. Е. Самончук остался на его борту и при попытке германского миноносца взять эсминец на буксир потопил вражеский корабль торпедой, затем взорвал свой. Взрывной волной отважного моряка сбросило в море, где он был подобран кораблем противника и взят в плен (отметим: за этот подвиг Самончука спустя много лет, в 1955 г., наградили орденом Красного Знамени).

3 октября германская эскадра вошла через Ирбенский пролив в Рижский залив, на следующий день русские линкоры «Слава» и «Гражданин» встретили ее у Куйвасту и не допустили прорыва в пролив Моонзунд. Первый из них, ведя бой против двух германских линкоров, получил серьезные повреждения. Тогда миноносец «Сторожевой» торпедами потопил «Славу» (с целью перекрыть фарватер и задержать продвижение противника в Моонзундский пролив), предварительно эвакуировав ее команду.

5 октября русские корабли были отведены на север, в Балтийское море, а два дня спустя германское командование из-за больших потерь отказалось от продолжения операции и вывело свои военно-морские силы из Рижского залива. Таким образом, русские матросы и солдаты героическим сопротивлением сорвали план германского командования и нанесли значительные потери флоту неприятеля. Было потоплено 10 эсминцев и 6 тральщиков, повреждено 3 линкора, 13 эсминцев и миноносцев противника. Русский же флот потерял гораздо меньше боевых кораблей – 1 линкор и 1 эсминец; были повреждены 1 линкор, 1 крейсер, 3 эсминца и 2 канонерские лодки. Позже в своих мемуарах бывший глава Временного правительства А. Ф. Керенский, отдавая дань подвигу моряков-балтийцев, писал, что «морское сражение за Моонзунд внесло славную страницу в историю русского флота. Как и бои под Ригой, оно показало, на что способны русские люди и что они могут вынести, если их родине грозит опасность».⁶¹

Подчеркнем, что это было последнее сражение вооруженных сил России в Первой мировой войне. Тем временем на сухопутных фронтах все оставалось по-прежнему, как отмечалось выше, в армии медленно, но неуклонно падала воинская дисциплина, все ниже становился авторитет командования, комиссаров Временного правительства и солдатских комитетов. К тому же на протяжении периода от Февраля к Октябрю не прекращались антивоенные выступления.

Следует отметить, что Временное правительство, солдатские комитеты, правительственные комиссары, военные организации эсеров и меньшевиков, командование прилагали немало усилий в борьбе с подобными прецедентами. Лишь одна партия большевиков всемерно поддерживала и зачастую организовывала антивоенные акции, особенно братания солдат с противником, чем сводила на нет все усилия не только «лиц официальных», но и патриотически настроенных солдат и офицеров.

Изучение истории антивоенных выступлений на фронте в период от Февраля к Октябрю показало, что их волна поднималась неравномерно – то опускаясь, то вздымаясь, но

⁶¹ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 303.

в целом по нарастающей. Условно этот процесс можно разделить на четыре этапа. Начало и конец каждого из них, как показывают многочисленные источники, были связаны с теми или иными политическими событиями в стране и получали резонанс на фронте в виде всплеска различных антивоенных акций.

Итак, первый этап – период от кануна Февраля до известной ноты министра иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюкова (конец февраля – 17 апреля), т. е. время возникновения и становления сети солдатских комитетов на фронте, активизации большевиков и австро-германского командования по организации братаний, а также вседозволенности для солдатской массы.

Второй этап охватывает период от Апрельского кризиса до кануна Июньского наступления на фронте (18 апреля – 17 июня). Этот хронологический отрезок характерен новым валом антивоенных выступлений, вызванным как нотой Милюкова (18 апреля), так и активной кампанией Временного правительства по пропаганде в действующей армии готовящегося Июньского наступления. Именно тогда наблюдались массовые братания солдат с противником, связанные с празднованием 1 Мая и Святой Пасхи, коллективные отказы целых полков заступать на боевые позиции и многочисленные антивоенные митинги.

Третий этап обозначен хронологическими рамками от начала Июньского наступления до ликвидации Корниловского движения (18 июня – 31 августа). Этот период характерен принятием Временным правительством и командованием «строгих мер» по отношению к любым проявлениям антивоенных выступлений (запрещение братаний солдат с противником, несанкционированных митингов, а главное – введение смертной казни за нарушения воинской дисциплины. Попутно отметим: случаев приведения таких приговоров в исполнение зарегистрировано не было). В те месяцы наблюдается резкое снижение волны братаний солдат с противником (главным образом из-за начала крупномасштабных наступательных операций), а также появление нового вида антивоенных выступлений – восстаний, в которых иногда участвовали целые полки, напрямую связанных с отказом идти в наступление.

Четвертый этап хронологически совпадает с начавшимся в стране Общенациональным кризисом и завершается взятием власти большевиками (начало сентября – 24 октября). В этот период большевики развернули на фронте активную работу по большевизации солдатских комитетов, что напрямую было связано с проблемой братания солдат с противником. Стихийные антивоенные митинги, массовые братания, отказы солдат исполнять боевые приказы, как и весной 1917 г., уже стали нормой. И все эти явления неуклонно усиливались по мере приближения к Октябрю. В такой военно-политической обстановке действующая армия, неотвратимо выходявшая из-под контроля не только комиссаров Временного правительства и командования, но и своих же солдатских комитетов, подошла к Октябрю.

Предоктябрьская подготовка партии большевиков к борьбе за власть в стране и армии

Одним из главных инструментов борьбы большевиков за власть в стране и армии, как известно, были военно-революционные комитеты. Идея их создания принадлежала В. И. Ленину. Еще в апреле 1905 г. на III съезде РСДРП в «Проекте резолюции об отношении РСДРП к вооруженному восстанию» лидер большевиков указывал на необходимость приступить «к организации особых групп для приобретения и распределения оружия, выработки плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым».⁶²

Подводя итоги первого года революции 1905–1907 гг., Ленин в статье «Роспуск думы и задачи пролетариата», написанной в июле 1906 г., указывал, «что для организации восстания «советы» и подобные массовые учреждения еще *недостаточны*. Они необходимы для сплочения масс, для боевого объединения, для передачи партийных (или по соглашению партий выдвинутых) лозунгов политического руководства, для заинтересования, пробуждения, привлечения масс. Но они недостаточны для организации *непосредственно боевых сил*, для *организации восстания* в самом тесном значении слова», подчеркивая далее необходимость создания специальной «*военной организации* наряду с организацией советов для их защиты, для проведения того восстания, без которого бессильны будут всякие советы и всякие выборные от массы».⁶³

Развивая эту мысль, Ленин в статье «Кризис меньшевизма», опубликованной в декабре того же года в газете «Пролетарий», отмечал: «когда объективные условия порождают борьбу масс в виде массовых политических стачек и восстаний, партия пролетариата *должна* иметь «аппараты» для «обслуживания» *именно этих* форм борьбы, и само собою разумеется, что это должны быть особые «аппараты», непохожие на парламентские».⁶⁴

Осенью 1917 г. Ленин вновь вернулся к этому вопросу. В своих письмах «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание», написанных в сентябре и направленных в ЦК РСДРП(б), Петербургский и Московский комитеты партии большевиков, Ленин указал на важнейшую в данный момент для них задачу – непосредственную практическую подготовку к вооруженному восстанию. В качестве центрального оперативного органа восстания В. И. Ленин предложил ЦК партии большевиков немедленно «организовать *штаб* повстанческих отрядов... поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.».⁶⁵ Перед этим штабом ставились задачи разработки оперативного плана восстания, подготовки и управления вооруженными отрядами в ходе взятия власти.

Ленин настаивал на необходимости создания таких органов восстания и на местах. Это требование Ленин изложил в письме председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смильге, написанном 27 сентября, в котором он предложил «создать *тайный* комитет из *надежнейших* военных, обсудить с ним *всесторонне*, собрать (и проверить *самому*) точнейшие сведения о составе и расположении войск под Питером и в Питере, о перевозе войск финляндских в Питер, о движении флота и т. д.».⁶⁶ Имеются в виду части 42-го отдельного армейского корпуса, дислоцировавшегося в Финляндии, войсковые комитеты которого в сентябре встали на большевистские позиции.

⁶² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 112–113.

⁶³ Там же. Т. 13. С. 321–322.

⁶⁴ Там же. Т. 14. С. 162.

⁶⁵ Там же. Т. 34. С. 247.

⁶⁶ Там же. С. 265.

Вопрос о практической подготовке восстания В. И. Ленин изложил в «Письме в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам» от 1 октября, в статье «Советы постороннего», «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», написанных 8 октября.⁶⁷

Как известно, 10 октября ЦК РСДРП(б) приняло решение о вооруженном восстании, а вскоре, 12 октября, на заседании Исполнительного комитета Петроградского совета по инициативе большевиков было принято решение о создании при Петроградском Совете Военно-революционного комитета. Одновременно было принято Положение о нем, его составе и функциях. Согласно этому положению Петроградский Военно-революционный комитет являлся легальным органом Петроградского совета. В состав Петроградского ВРК вошли члены президиума Исполнительного комитета Петроградского совета, представители Центрального исполнительного комитета военного флота ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов (Центрофлота), Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, советов фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и других организаций. Большинство его членов составляли большевики, заключившие блок с левыми эсерами.⁶⁸

В своих воспоминаниях один из руководителей Петроградского ВРК Н. И. Подвойский отмечал, что на вопрос Ленина, как он мыслит себе работу этого органа, Подвойский ответил, что ВРК представляется ему расширенным Бюро военной организации при ЦК РСДРП(б). В ответ на это Ленин решительно возразил: «Ни в коем случае не Бюро, а такой полномочнейший, но беспартийный орган восстания, который связан с самыми широкими слоями рабочих и солдат. Этот комитет должен обеспечить участие в вооружении и в восстании неограниченным пролетарским и солдатским массам». И далее Ленин указывал Подвойскому, что «ни под каким видом не следует допускать ни малейшей тени диктаторства Военной организации в Военно-революционном комитете». Ленин подчеркивал, что «основное – победа восстания. Этой и только этой цели должен служить Военно-революционный комитет». В то же время Военной организации при ЦК РСДРП(б) вменяется в обязанность внимательно следить за тем, чтобы «комитет не уклонился от правильной большевистской линии».⁶⁹

По предложению Ленина на расширенном заседании ЦК партии большевиков 16 октября был создан Военно-революционный центр для непосредственного руководства вооруженным взятием власти. В его состав вошли А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий. Этот большевистский партийный орган вошел в Петроградский ВРК и стал его руководящим звеном. Во главе Петроградского ВРК встало избранное 21 октября бюро, состоявшее из пяти членов – большевиков Н. И. Подвойского, В. А. Антонова-Овсеенко, А. Д. Садовского и левых эсеров П. Е. Лазимира и Г. Н. Сухарькова. Петроградский ВРК сосредоточил в своих руках оперативное руководство Красной гвардией, назначил своих комиссаров во все воинские части и важнейшие пункты столицы.

За время существования, с 12 октября по 5 декабря, Петроградский ВРК провел огромную работу по взятию власти как в центре, так и на местах, в том числе и в действующей армии.

В канун Октября по примеру Петроградского ВРК в действующей армии местными большевиками стали создаваться военно-революционные комитеты, а непосредственным призывом к их созданию послужило обращение 12 октября съезда Советов Северной области, проходившего в Петрограде с 11 по 13 октября, ко всем местным Советам: «Следуя

⁶⁷ Там же. С. 340–341, 382–390.

⁶⁸ Орехова Е. Д. О составе Петроградского военно-революционного комитета // История СССР. 1971. № 2; Поликарпов В. Д. Из истории Петроградского ВРК (новые источники) // Вопросы истории. 1977. № 11.

⁶⁹ Подвойский Н. И. Год 1917. (Воспоминания). М., 1958. С. 104.

примеру Петроградского Совета, создать военно-революционные комитеты».⁷⁰ Этим решением большевистская партия взяла курс на создание широкой сети ревкомов не только на местах, но и в действующей армии, так как на этом съезде помимо представителей советов Петроградской, Псковской и Новгородской губерний, Финляндии и Эстонии, были делегаты Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов.⁷¹

Вскоре, 16 октября, в городе Валк (Валка), находящемся в тыловом районе Северного фронта, состоялась Чрезвычайная конференция социал-демократии Латвии, на которой было принято решение о создании первого большевистского ревкома в действующей армии.⁷² В соответствии с этим решением представители ЦК социал-демократии Латвии и его Военной организации, Исполнительного объединенного комитета советов депутатов латышских стрелковых полков (Исколастрела), Исполнительного комитета совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии (Исколата), ряда местных Советов в ночь на 19 октября в городе Вольмар (Валмиера) образовали ВРК района 12-й армии Северного фронта во главе с председателем ЦК социал-демократии Латвии Я. М. Круминь-Пилатом. В дооктябрьский период этот орган работал нелегально.⁷³

Создание ВРК района 12-й армии послужило местным большевикам сигналом к формированию ревкомов в войсках этой армии. Эти ВРК были созданы (также нелегально) в ряде распропагандированных большевиками сибирских стрелковых и во всех латышских стрелковых полках и бригадах.⁷⁴ Под руководством ВРК района 12-й армии они развернули активную работу по подготовке к захвату власти в своих частях. Об этом периоде деятельности ВРК 3-го Курземского латышского стрелкового полка писал его председатель Бружевиц: «Сначала он работал тайно и собирал вокруг себя тех, кто был готов в любой момент на борьбу... Он поддерживал тайно связь с высшими инстанциями, и его деятельность была тесно связана с полковым комитетом».⁷⁵

20 октября собрание представителей большевистских военных организаций 12-й армии обсудило разработанный ВРК района 12-й армии план подготовки к взятию власти на этом участке Северного фронта. Общее политическое руководство армейским ревкомом оставалось за ЦК социал-демократии Латвии и бюро военной организации большевиков этой армии. Непосредственное руководство осуществляли К. Х. Данишевский от ЦК социал-демократии Латвии и С. М. Нахимсон от бюро военной организации большевиков 12-й армии. Командующим вооруженными формированиями ВРК района 12-й армии был назначен Ю. Чаринь.⁷⁶

По инициативе Ленина в Псков, где находился штаб Северного фронта, 16 октября прибыла группа петроградских большевиков для инструктирования, агитации и связи. В нее вошло более 30 человек, в том числе К. А. Мехоношин, П. В. Дашкевич, Б. П. Позерн, М. М. Лашевич, В. И. Зоф, А. Д. Садовский, М. Ефремов.⁷⁷ Они входили в состав делегации Петроградского совета, направлявшейся в штаб фронта. Командование последнего настаивало на выводе на фронт Петроградского гарнизона. Однако делегация Петроградского совета, состоявшая в основном из большевиков и левых эсеров, отклонила это требование.

⁷⁰ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. Т. 1. М., 1966. С. 40–41.

⁷¹ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. С. 831–833.

⁷² Рипа Е. И. Военно-революционные комитеты района XII армии в 1917 г. на неоккупированной территории Латвии. Рига, 1969. С. 8–9.

⁷³ Там же. С. 10, 12, 13.

⁷⁴ Смольников А. С. Большевизация XII армии Северного фронта в 1917 г. М., 1979. С. 154.

⁷⁵ Кайминь Я. Латышские стрелки в борьбе за победу Октябрьской революции (1917–1918 гг.). Рига, 1961. С. 305.

⁷⁶ Смольников А. С. Указ. соч. С. 156.

⁷⁷ Рабочий путь. (Петроград). 1917. 18 октября.

После совещания большевики, разделившись на группы, выехали в 12-ю и 5-ю армии этого фронта.⁷⁸

22–23 октября в Пскове по инициативе вернувшихся из поездки в армии фронта представителей ЦК партии большевиков М. М. Лашевича, Б. П. Позерна, А. Д. Садовского, В. Л. Панюшкина и М. Ефремова было проведено заседание местного большевистского партийного комитета. На нем был намечен план взятия штаба фронта и избран Псковский ВРК (27 октября переименован в ВРК Северного фронта) в составе В. Л. Панюшкина (председатель), Б. П. Позерна и местных большевиков А. Иванова, М. Иванова и М. Ушарнова.⁷⁹ Псковский ревком нелегально повел подготовку к захвату власти в городе. Надо сказать, что для петроградских большевиков его создание имело особое значение, так как здесь был штаб ближайшего к столице Северного фронта, а также важный железнодорожный узел на пути в нее с фронта.

Другим военным опорным пунктом большевиков в этом регионе страны была Эстляндская губерния (Эстония). Как уже отмечалось, на съезде советов Северной области были и представители большевизированных советов Эстляндии. В информации о работе съезда в местной печати сообщалось, что более чем двухмиллионная армия рабочих, матросов и солдат, сплотившихся вокруг Петрограда, решительно потребовала передать власть Советам, а если Временное правительство попытается сопротивляться, оно будет свергнуто силой.⁸⁰

14 октября 2-й съезд Советов Эстляндии, состоявшийся в Ревеле (Таллинн), принял большевистскую резолюцию о власти. А уже 22 октября в Ревеле Совет рабочих и солдатских депутатов Эстляндии, Ревельский совет рабочих и солдатских депутатов, представители комитетов Ревельской морской базы и сухопутных войск района на совместном заседании создали Военно-революционный комитет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Эстонского края (Эстляндский ВРК). Председателем его стал большевик И. В. Рабчинский, заместителем председателя – большевик В. Э. Кингисепп. Одновременно возник ВРК Ревельской укрепленной позиции.

Первое заседание Эстляндского ВРК состоялось уже на следующий день после его создания. Здесь были намечены конкретные меры по захвату власти в этом регионе. Решено было взять под контроль ревкома стратегически важные пункты Ревеля и его окрестностей: железнодорожные станции, телеграф, почту и телефон. Во все эти пункты были назначены комиссары ВРК. Особое внимание было уделено железной дороге, связывавшей Северный фронт и Ревель с Петроградом. Одновременно ревком провел большую организационную работу по подготовке восстания с военно-технической стороны, причем все ответственные задания поручал только большевикам. Кроме того, Эстляндский ВРК оказывал помощь в создании большевистских ревкомов в Юрьеве (Тарту), Нарве и других городах этого региона страны.⁸¹

Такова в общих чертах предыстория создания основных органов борьбы большевиков за власть как в стране в целом, так и в действующей армии – военно-революционных комитетов – и начала процесса их образования на Северном фронте, одном из решающих для исхода Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. На других же фронтах, в том числе и в большинстве частей и соединений Северного фронта, военно-революционные комитеты были созданы большевиками уже в послеоктябрьский период. О процессе их создания, дея-

⁷⁸ Там же. 22 октября.

⁷⁹ Голуб П. А. Партия, армия и революция. Отвоение партией большевиков армии на сторону революции. Март 1917 – фев. 1918. М., 1967. С. 223; Щелок П. Октябрь на Северном фронте // Война и революция. 1926. Январь – февраль. С. 78.

⁸⁰ Звезда (Минск). 1917. 19 октября.

⁸¹ Сутима В. Ф. Штаб повстанческих отрядов. Военно-революционный комитет Эстонского края (октябрь 1917 – январь 1918). Таллин, 1971. С. 55.

тельности и роли в борьбе за власть в действующей армии речь пойдет в последующих главах данного исследования.

Глава 2

Послеоктябрьские события на ближних к столицам фронтах

Взятие власти большевиками на Северном фронте

Напомним: Северный фронт (12, 5, 1-я армии и 42-й отдельный армейский корпус) прикрывал Петроград. Несмотря на близость к столице и значительное по сравнению с другими фронтами количество присланных из нее комиссаров, эмиссаров и агитаторов, созданные в армиях этого фронта большевистские военно-революционные комитеты не смогли сразу взять власть. Меньшевики и эсеры занимали еще достаточно крепкие позиции, а солдатская масса проявляла свойственные ей колебания и зачастую склонялась к выжиданию и нейтралитету.

Исключение составлял 42-й отдельный армейский корпус, дислоцировавшийся в Финляндии (он был на правах армии, в связи с чем его солдатский комитет именовался армейским), штаб которого располагался в Выборге. Созванное там 26 октября экстренное заседание армейского исполнительного комитета корпуса, заслушав телеграмму II Всероссийского съезда Советов об образовании в действующей армии военно-революционных комитетов, приняло решение образовать (из своего числа) ВРК 42-го отдельного армейского корпуса. В состав избранного ревкома вошли 5 человек: большевик, председатель армискома Г. З. Заонегин (председатель ВРК), Власенков, Волков, Ежов и А. Жук.⁸² По решению армискома, принятому в тот же день, на ВРК была возложена задача контроля над деятельностью штаба 42-го корпуса. На другой день, 27 октября, корпусной ВРК обратился ко всем частям корпуса с телеграммой, в которой провозгласил, что «военно-революционный комитет стоит на страже завоеваний революции», и призвал солдатские массы быть «в полной готовности к отражению натиска врага и контрреволюционных походов».⁸³ Корпусной ВРК установил контроль над деятельностью штаба корпуса, приказал комиссару Временного правительства при корпусе К. М. Соколову сдать все дела, а 1 ноября отдал приказ о назначении во все части корпуса советских комиссаров.⁸⁴ 7 ноября Петроградский ВРК назначил советским комиссаром корпуса председателя корпусного ВРК большевика Г. З. Заонегина.⁸⁵

Армейский исполнительный комитет 42-го отдельного армейского корпуса, заслушав 28 октября телеграмму А. Ф. Керенского о продвижении к Петрограду верных Временному правительству войск с указанием разослать ее по частям, постановил: «Телеграмму принять к сведению, не рассылая ее по частям».⁸⁶ В тот же день общее собрание солдатских комитетов корпуса заявило о поддержке новой власти, подчеркнув, что «походы против власти Советов мы готовы подавлять по первому зову всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, охраняя при этом боеспособность фронта».⁸⁷

Такая благоприятная для большевиков политическая обстановка позволила армейскому комитету 42-го корпуса дать 28 октября твердое обещание о помощи Областному

⁸² Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. М., 1977. С. 137–138.

⁸³ Там же. С. 139–140.

⁸⁴ Триумфальное шествие Советской власти. Документы и материалы. М., 1963. Ч. 1. С. 440.

⁸⁵ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. М., 1982. С. 569.

⁸⁶ Гаврилов Л. М. Солдатские комитеты в Октябрьской революции (действующая армия). М., 1983. С. 134.

⁸⁷ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957. С. 572–573.

комитету армии, флота и рабочих Финляндии в ответ на его предложение послать войска в распоряжение Петроградского ВРК.⁸⁸ В тот же день состоялось совместное заседание президиума дивизионного комитета и военно-революционного отдела 106-й пехотной дивизии, входившей в состав этого корпуса. После обсуждения телеграммы, поступившей от Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии и корпусного ВРК «о высылке от дивизии отряда в 2000 штыков и возможно большего количества пулеметов в Петроград» оно постановило «отправить целиком 422-й пехотный Колпинский полк со всеми пулеметами» в столицу. При этом было специально оговорено, что «для несения же гарнизонной службы вместо ушедшего полка вызвать 1-й батальон 423-го пехотного Лужского полка».⁸⁹

Уже 2 ноября на заседании корпусного ВРК была оглашена телеграмма, поступившая из 106-й пехотной дивизии, в которой сообщалось, что из дивизии было направлено в столицу около 1500 солдат 422-го пехотного Колпинского полка с 34 пулеметами, а также две роты 424-го пехотного Чудского полка с 4 пулеметами.⁹⁰ И в дальнейшем 106-я пехотная дивизия, как наиболее большевизированная, продолжала выделять вооруженные отряды для борьбы с политическими противниками новой власти. Один из примеров – 30 октября на совместном заседании президиума дивизионного комитета и военно-революционного отдела этой дивизии было решено (в связи с организацией на станциях Скуро и Тюрвя финских вооруженных формирований) просить полковой комитет 421-го пехотного Царскосельского полка отдать распоряжение, чтобы роты, стоящие вблизи частей 34-й Смоленской пешей дружины, были в контакте с ней и оказали помощь в случае нападения на охрану железной дороги.⁹¹ Впоследствии вооруженные отряды, выделенные из 106-й дивизии, также принимали активное участие в разгорающейся гражданской войне. Так, в донесении от 14 декабря помощника комиссара этого корпуса Власенкова в ВРК при Ставке сообщалось, что «сегодня... отправлены три эшелона (423-го пехотного) Лужского и (422-го пехотного) Колпинского полков в количестве 765 штыков при 16 пулеметах на Петроград-Курск товарищу Антонову против Каледина».⁹²

Кроме вышеперечисленных частей, корпусной ВРК организовал и направил в столицу на помощь большевикам еще несколько вооруженных отрядов. Так, 1 ноября комиссар Свеаборгской крепости сообщал в штаб Северного фронта, что 28 октября 14 офицеров и 526 солдат 511-го пехотного Сычевского полка, а 29 октября все роты и команды 509-го пехотного Гжатского полка отправились по железной дороге в Петроград.⁹³

Попытки командования Северного фронта воспрепятствовать посылке вооруженных отрядов из 42-го отдельного армейского корпуса на помощь Петроградскому ВРК потерпели неудачу. Уже 29 октября заявил о своей беспомощности генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Северного фронта генерал-майор В. Л. Барановский. Так, в телеграмме на имя А. Ф. Керенского он констатировал, что «лишен возможности принять меры против движения мятежных войск из Финляндии, так как связи с Финляндией нет. В Финляндии повсеместно действуют большевистские революционные комитеты».⁹⁴

В то же время корпусным ВРК была сорвана попытка командования направить из корпуса 5-ю Кавказскую казачью дивизию на помощь А. Ф. Керенскому. Об этом вскоре был вынужден сообщить комиссар Временного правительства этого корпуса К. М. Соколов

⁸⁸ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. С. 387.

⁸⁹ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 140.

⁹⁰ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 709.

⁹¹ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 617.

⁹² Базанов С. Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 25.

⁹³ Гаврилов Л. М. Указ. соч. С. 134.

⁹⁴ Борьба за установление и упрочение Советской власти. Хроника событий. 26 октября 1917 г. – 10 января 1918 г. М., 1962. С. 72.

комиссару Временного правительства на Северном фронте В. С. Войтинскому: «Выполнить полученное штабом корпуса распоряжение об отправке казачьей дивизии не представляется возможным».⁹⁵ Заявил о невозможности посылки в распоряжение А. Ф. Керенского войск из 42-го отдельного армейского корпуса ввиду противодействия корпусного ВРК и главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии В. А. Черемисов. 31 октября он, в частности, в несколько витиеватой форме сообщил командующему 12-й армией этого фронта генерал-лейтенанту Я. Д. Юзефовичу, что в «Финляндии... настроение определенно не в пользу вмешательства в политическую передрагу и даже в пользу поддержки Петроградского Революционного Совета, в этих частях установились свои революционные комитеты и контроль над аппаратами».⁹⁶

Большевистский корпусной ВРК явно опережал своих политических противников и по части пропаганды. Например, зная о ненадежности казаков 5-й Кавказской казачьей дивизии, он послал им телеграмму, в которой в доступной форме объяснялось, почему не надо помогать бывшему главе Временного правительства, и в конце содержался призыв к нейтралитету: «Товарищи! Довольно крови – надо мир. Оставайтесь на своих местах спокойными».⁹⁷ Подобная телеграмма, а также своевременная большевистская агитация среди казаков, мало искушенных в политике, сделали свое дело: дивизия не только отказалась идти на помощь Керенскому, но и заявила о своей готовности послать в распоряжение Петроградского ВРК дивизионную артиллерию.⁹⁸

ВРК корпуса также вел борьбу с попытками захвата власти местными противниками большевиков. Так, в связи с готовящимся вооруженным выступлением финских военизированных формирований, корпусным ВРК было принято распоряжение, направленное 1 ноября всем комитетам частей, входящих в состав корпуса. В нем предлагалось «принять меры к немедленному занятию для охраны имеющихся на местах учреждений... в связи с ожидающимся вооруженным выступлением финской белой гвардии против бастующих финских же рабочих красногвардейцев... в городах усилить караулы и разъезды».⁹⁹ Тем не менее, несмотря на все эти мероприятия, вскоре произошли выступления финских военизированных формирований. Об этом ВРК корпуса 7 ноября известил Петроградский ВРК и предложил свой план наведения порядка.¹⁰⁰

Параллельно с борьбой за власть корпусной ВРК принимал меры к установлению полного контроля над корпусом. Так, 4 ноября, он приказал назначенным, как уже отмечалось, во все части и соединения корпуса комиссарам, контролировать «распоряжения и деятельность командного состава в строевом, общественном, политическом, хозяйственном, боевом и стратегическом отношениях. Комиссары должны находиться по возможности при штабах. Все приказы и приказания должны скрепляться комиссарами, без подписи которых они считаются недействительными... Комиссары обязаны давать личный или письменный отчет не реже одного раза в месяц в армейском и дивизионном комитетах о состоянии части в отношении политическом, командном и о боеспособности».¹⁰¹ Сопrotивления этим мероприятиям корпусного ревкома не последовало, о чем убедительно свидетельствует донесение исполняющего обязанности начальника штаба корпуса полковника В. Н. Чернышева, отправленное на следующий день, 5 ноября, генерал-квартирмейстеру Северного фронта

⁹⁵ Гаврилов Л. М. Указ. соч. С. 134.

⁹⁶ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 617.

⁹⁷ Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969. С. 208–209.

⁹⁸ Киуру М. Х. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г. Петрозаводск. 1965. С. 180.

⁹⁹ Базанов С. Н. Указ. соч. С. 134.

¹⁰⁰ Большевистские военно-революционные комитеты. Сборник документов. М., 1958. С. 419.

¹⁰¹ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 150.

генерал-майору В. Л. Барановскому, где особо указывалось «на полное подчинение частей Военно-революционному комитету».¹⁰²

Вскоре, 9 ноября, корпусной ВРК объявил, что он, «являясь в пределах корпуса органом народной революционной власти, будет самым решительным образом поддерживать высший орган народной власти Советов и неуклонно проводить в жизнь все постановления Совета Народных Комиссаров».¹⁰³

Состоявшийся 25–29 ноября в Выборге IV съезд Областного исполнительного комитета армии, флота и рабочих Финляндии окончательно закрепил и упрочил новую власть в этом регионе. Состав участников был в основном большевистским: из 114 делегатов было 82 большевика, 29 левых эсеров и 3 беспартийных.¹⁰⁴ В выработанном на съезде Областного наказа говорилось: «Верховный орган власти для русского населения в Финляндии есть Областной комитет, выбранный на IV Областном финляндском съезде делегатов в составе 45 чел.». При этом 30 из них были большевики, а 15 – левые эсеры. Кроме того, наказом определялись функции комитета, в частности, оговаривалось, что комитет «должен немедленно приступить к преобразованию всех государственных учреждений, подчиняя их Советской власти...».¹⁰⁵

Таким образом, к концу ноября в войсках, расположенных на территории Финляндии, практически не встречая сопротивления, власть полностью перешла под большевистский контроль. Поэтому пленарное заседание Исполнительного комитета корпуса, состоявшееся 4 декабря, приняло решение: в связи с завершением выполнения чрезвычайных оперативных функций «ревком 42 упразднить, передав все функции Исполнительному комитету, который выделяет несколько товарищей для контроля за деятельностью штаба корпуса».¹⁰⁶ Иными словами, по мере установления большевистского контроля в войсках 42-го отдельного армейского корпуса постепенно отпадала необходимость в сохранении специальных командно-административных органов, какими являлись в действующей армии военно-революционные комитеты. Они расформировывались, и их функции переходили либо к исполнительным комитетам, либо к военным отделам соответствующих войсковых организаций.

Важным тыловым районом Северного фронта была Эстония, прикрывавшая Петроград с запада. Наряду с взятием власти, перед большевистским ВРК Эстонского края, созданным еще 22 октября, стояла и другая задача – обеспечение тыла готовящегося большевиками восстания в столице. Она заключалась в том, чтобы не допустить переброску воинских частей из Эстонии в Петроград для помощи Временному правительству.

Для ускорения помощи Петроградскому ВРК со стороны Эстонии в Ревель (Таллинн) были посланы члены Петроградского ВРК М. М. Лашевич и Я. Х. Петерс. Так как прямой путь на Ревель был отрезан верными Временному правительству войсками, то представители Петроградского ВРК были отправлены по железной дороге в Гельсингфорс (Хельсинки), а оттуда миноносцем доставлены в Ревель.¹⁰⁷

Следует заметить, что уже утром 25 октября в результате быстрых действий ВРК Эстонского края командование лишилось возможности распоряжаться войсками Ревельского укрепленного района: без ведома советских комиссаров, назначенных ревкомом, были запрещены все перемещения офицеров из одной воинской части в другую. Особое внимание уделялось ударным батальонам. ВРК Эстонского края предписал им оставаться на своих

¹⁰² Базанов С. Н. Указ. соч. С. 27.

¹⁰³ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 156.

¹⁰⁴ Гаврилов Л. М. Указ. соч. С. 140.

¹⁰⁵ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. – март 1918 г. С. 578; Гаврилов Л. М. Указ. соч. С. 140.

¹⁰⁶ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 210.

¹⁰⁷ Поликарпов В. Д. Из истории Петроградского ВРК (новые источники) // Вопросы истории. 1977. № 11. С. 26.

местах и подчиняться только начальникам, «в район которых они вошли».¹⁰⁸ К тому же без разрешения ВРК Эстонского края ни одна воинская часть не могла быть отправлена из Ревеля.¹⁰⁹

Все это позволило ревкому уже к 26 октября полностью установить свою власть в сухопутных районах Ревельского укрепленного района и на кораблях Ревельской военноморской базы. Немедленно были назначены советские комиссары ВРК Эстонского края: к начальнику сухопутных войск – П. Девишин, к коменданту Морской крепости императора Петра Великого – Токарев, к начальнику обороны Приморского фронта – Фрунгов, к начальнику артиллерии – Крикунов, к командиру Ревельского порта – Макаров и к крепостному интенданту – Николаев.¹¹⁰ В тот же день краевой ревком в обращении к населению Эстонии заявил: «Военно-революционный комитет при Исполнительном комитете Советов Эстонского края обладает всей полнотой власти в Эстляндии».¹¹¹ На следующий день, 27 октября, губернский комиссар Временного правительства Эстляндской губернии и его сотрудники были отстранены от должности, а их функции перешли к комиссару ВРК Эстонского края большевику В. Э. Кингисеппу.¹¹²

Быстрое взятие власти большевистским ревкомом в Эстонии помешало планам командования использовать войска, дислоцировавшиеся на ее территории для помощи Временному правительству. Когда Ставка и штаб главнокомандующего армиями Северного фронта попытались послать на помощь А. Ф. Керенскому 13-й и 15-й Донские казачьи полки 3-го кавалерийского корпуса и 44-ю пехотную дивизию из Ревеля, бронедивизион из города Гапсаль (Хаапсалу), части 49-го армейского корпуса со станции Раквере, они натолкнулись на непреодолимое препятствие.¹¹³ Прежде всего, ВРК Эстонского края приказал своим комиссарам на железной дороге не выделять этим частям подвижного состава, а советским комиссарам, находившимся на телеграфе, – задерживать все телеграммы, направленные в эти войска Керенским, Ставкой и штабом главнокомандующего армиями Северного фронта.¹¹⁴

Не получая ни подкрепления, ни ответа на свои телеграммы, Керенский отправил в Ревель специальный поезд с доверенными офицерами, которые имели задание во что бы то ни стало добиться отправки казачьих полков на Петроград. Однако и эта попытка не удалась: поезд по приказу ревкома был задержан, а офицеры и казаки, находившиеся в нем, – арестованы. При обыске у них обнаружили важные документы, а также изъяли около 1000 экземпляров отпечатанных боевых приказов, в которых казачьим полкам предписывалось поспешить на помощь Временному правительству.

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии В. А. Черемисов, возмущенный перехватом его телеграмм, связался по прямому проводу с председателем ВРК Эстонского края большевиком И. В. Рабчинским и категорически потребовал отправки 13-го и 15-го Донских казачьих полков из Ревеля. На это требование Рабчинский ответил, что «13-й и 15-й Донские полки не могут быть вывезены из Ревеля... Совет вошел с ними в сношение и от них было получено заявление о поддержке Советов и о нежелании ехать на выручку Керенскому».¹¹⁵ И тогда штаб главнокомандующего армиями Северного

¹⁰⁸ Сулима В. Ф. Штаб повстанческих отрядов. Военно-революционный комитет Эстонского края (октябрь 1917 – январь 1918). Таллин. 1971. С. 67.

¹⁰⁹ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы в трех томах. М., 1966. Т. 1. С. 154.

¹¹⁰ Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов. 1917. (Ревель). 28 октября.

¹¹¹ Там же. 28 октября.

¹¹² Якунов Н. М. Борьба за армию в 1917 год у. Деятельность большевиков в прифронтовых округах. М., 1975. С. 194.

¹¹³ Октябрь на фронте // Красный архив. 1927. № 4 (23). С. 167–168.

¹¹⁴ Сулима В. Ф. Указ. соч. С. 67–68.

¹¹⁵ Октябрь на фронте // Красный архив. 1927. № 4 (23). С. 182–183.

фронта вынужден был доложить в Ставку: «Никак не можем двинуть 13-й и 15-й Донские казачьи полки, застрявшие в Ревеле».¹¹⁶ 29 октября начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н. Н. Духонин отправил из Ставки телеграмму А. Ф. Керенскому, в которой сообщал, что «13-й и 15-й донские полки не могли быть отправлены к Петрограду, так как большевики угрозой воспретили подачу подвижного состава».¹¹⁷ Как видно из этих телеграмм, краевой ревком к концу октября уже полностью контролировал положение в Ревеле и в прилегающих к нему районах.

ВРК Эстонского края принял срочные меры, чтобы не допустить переброску войск на помощь Керенскому и из других городов и районов Эстонии. Специально сформированные из сочувствующих большевикам солдат воинские команды во главе с комиссарами краевого ревкома взяли под контроль почти все железнодорожные станции. Десятки групп большевистских агитаторов были разосланы во все гарнизоны для проведения разъяснительной работы в войсках. При этом особое внимание им пришлось уделить 44-й пехотной дивизии, так как ее полки, расквартированные в Ревельском гарнизоне, заявили о своем неподчинении ревкому и его распоряжениям. Для большевистской агитации ВРК направил в дивизию 33 своих представителя, которые в течение нескольких дней выступали на солдатских митингах. Это дало результаты – солдаты в конце концов признали новую власть.¹¹⁸

Опасения у краевого ревкома вызывал и 49-й армейский корпус, расположенный в районе станции Раквере. Большевикам не удалось установить над ней контроль, поэтому погрузку корпуса, направлявшегося на помощь Временному правительству, в эшелоны задержать было крайне трудно – насилием можно было только озлобить солдатские массы. Решив действовать исключительно убеждением, ВРК решил направить туда для проведения агитационной работы группу членов ревкома во главе с заместителем его председателя В. Э. Кингисеппом. Но как только они прибыли на станцию Тапа, тотчас были арестованы патрулем 49-го корпуса и направлены в Раквере. Тогда в Нарве по распоряжению краевого ревкома были срочно сосредоточены перешедшие на сторону большевиков войска, получившие задание не пропустить части этого корпуса на Петроград. В результате оперативных действий этих войск были захвачены железнодорожные станции Нарва и Тапа, а части 49-го корпуса заблокированы в Раквере. Десятки направленных в его расположение большевистских агитаторов уговорили солдат занять нейтральную позицию. В результате корпус, подчинившись приказу краевого ревкома, остался на месте, станция Раквере перешла в руки большевиков, а группа, возглавляемая Кингисеппом, освобождена. То же самое в результате агитационной работы членов краевого ВРК повторилось в войсках Перновского боевого участка.¹¹⁹

Задачу не пропустить верные Временному правительству войска к Петрограду ВРК Эстонского края решал совместно с ВРК района 12-й армии, во все части которой уже 26 октября были посланы телеграммы для установления связи.¹²⁰ Таким образом, благодаря координации действий этих ревкомов ни одна воинская часть не двинулась с места. Здесь следует заметить, что краевой ревком задерживал отправку воинских частей и в другие районы страны, где также уже разворачивалась борьба за власть. Например, 5-му морскому батальону смерти было отказано в отправке на Украину, Морскому ударному батальону – в Ярославль, 13-му и 15-му Донским казачьим полкам – на Дон.¹²¹

¹¹⁶ Там же. С. 167–168.

¹¹⁷ Октябрь на фронте // Красный архив. 1927. № 5 (24). С. 83–84.

¹¹⁸ Сулима В. Ф. Указ. соч. С. 70.

¹¹⁹ Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977. С. 270–271; Сулима В. Ф. Указ. соч. С. 70–71.

¹²⁰ Сулима В. Ф. Указ. соч. С. 71.

¹²¹ Большевистские военно-революционные комитеты. С. 416, 422, 428–429.

В то же время ВРК Эстонского края активно занимался формированием отрядов, которые приняли участие в ликвидации очагов антибольшевистской борьбы. Так, для подавления выступления Керенского—Краснова по приказу краевого ревкома 28 октября из Ревеля в Петроград были отправлены крейсер «Олег», эскадренный миноносец «Победитель» и отряд матросов, а в Нарву — два батальона 175-го пехотного Батурицкого полка с двумя артиллерийскими батареями.¹²² Кроме того, ВРК Эстонского края через Гдов направил против войск Керенского—Краснова запасный полк, который, захватив железную дорогу на участке Гдов—Псков, двинулся на Гатчину, где соединился с другими большевистскими отрядами и поступил затем в распоряжение Петроградского ВРК.¹²³

Важное значение для большевиков в обороне Петрограда от войск Керенского—Краснова имел Псков, где размещался штаб Северного фронта. Политическая обстановка в городе складывалась таким образом: 26 октября состоялось совместное заседание совета рабочих и солдатских депутатов Пскова с солдатскими комитетами местного гарнизона. Большая часть собравшихся принадлежала к партиям меньшевиков и эсеров. По инициативе меньшевистско-эсеровского большинства был создан Военно-революционный комитет Северо-Западной области, в состав которого вошли комиссар Северного фронта меньшевик В. С. Войтинский и представители небольшевизированных солдатских комитетов Северного фронта. Однако этот ВРК быстро распался, не просуществовав и дня.¹²⁴ Вместо него эсерами и меньшевиками был создан Комитет спасения Родины и революции.¹²⁵

Ситуация, сложившаяся в Пскове, становилась для большевиков все более напряженной. Учитывая важное стратегическое положение города, ЦК партии большевиков дал указание Петроградскому ВРК направить туда своих представителей. Прибывшие в Псков посланцы Петроградского ВРК во главе с матросом-большевиком В. Л. Панюшкиным, опираясь на местную большевистскую организацию и распропагандированных большевиками солдат гарнизона, добились перелома в политической обстановке.¹²⁶ Уже вечером 26 октября Псковским комитетом РСДРП(б) и большевистской фракцией Псковского совета рабочих и солдатских депутатов в городе был создан большевистский ревком под председательством В. Л. Панюшкина.¹²⁷ В воззвании Псковского ВРК говорилось, что своей первоочередной задачей он считает «остановить движение воинских частей на Петроград».¹²⁸ Псковский ревком незамедлительно установил контроль над штабом Северного фронта, телеграфом и провел перевыборы местного совета, в котором стали преобладать большевики.¹²⁹

На следующий день, 27 октября, в Пскове из представителей Псковского ВРК, 42-го отдельного армейского корпуса, 12-й, 5-й армий, большевистских фракций Исполнительного комитета объединенных организаций советов солдатских и рабочих депутатов тыла Северного фронта (Искоборсев), Кронштадта и Гельсингфорса был образован большевистский Северо-Западный ВРК, власть которого распространялась на весь Северный фронт.¹³⁰ Северо-Западный и Псковский военно-революционные комитеты видели свою первооче-

¹²² Капустин М. И. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов. М., 1957. С. 295.

¹²³ Сулима В. Ф. Указ. соч. С. 73.

¹²⁴ Капустин М. И. Указ. соч. С. 251–252.

¹²⁵ Рижский фронт. (Валк). 1917. 31 октября.

¹²⁶ Минц И. И. История Великого Октября. В трех томах. 2-е издание. М., 1979. Т. 3. С. 325, 327.

¹²⁷ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 618–619.

¹²⁸ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. С. 754.

¹²⁹ История гражданской войны в СССР. В пяти томах. 2-е издание. М., 1947. Т. 2. Великая пролетарская революция (октябрь — ноябрь 1917 года). С. 451.

¹³⁰ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г. С. 618.

редную задачу в том, чтобы не допустить продвижение войск к Петрограду и Гатчине, на помощь Керенскому – Краснову.¹³¹

Однако к вечеру того же дня, 27 октября, положение изменилось. В Псков вошли вызванные комиссаром Временного правительства на Северном фронте В. С. Войтинским и штабом фронта четыре сотни казаков и батальон смерти. Эти части стали опорой псковского Комитета спасения родины и революции, взяли под свой контроль вокзал, артиллерийский склад, телеграф, арестовали пятерых членов Северо-Западного ВРК.¹³² Однако полностью взять власть в городе Комитету спасения так и не удалось. В Пскове продолжал работу Псковский ревком, сообщивший в Петроградский ВРК, что фактически власть остается в его руках.¹³³ Комитет спасения предпринял попытку вступить в переговоры с Псковским ВРК, но она успеха не принесла.

29 и 30 октября в Пскове шла перестрелка между казаками и бойцами батальона смерти, с одной стороны, и солдатами частей гарнизона, перешедших на сторону большевиков, – с другой. В ходе вооруженной борьбы солдатам гарнизона 31 октября удалось выбить казаков и ударников из здания вокзала и установить контроль над продвижением воинских эшелонов. В тот же день председатель Псковского ревкома В. Л. Панюшкин сообщил об этом в Петроградский ВРК: «Сегодня занимали посты и телеграф, охрана в наших руках, казаки обезврежены...».¹³⁴ 1 ноября в город вступили латышские стрелковые полки, вызванные Псковским ВРК из 12-й армии, прибытие которых предопределило окончательный исход вооруженной борьбы в Пскове. Опираясь на них, ревком вывел из города казачьи части и распустил Комитет спасения.¹³⁵

Чтобы объединить свои силы на Северном фронте и его тыловом районе, большевики 1 ноября воссоздали в Пскове Северо-Западный ВРК, который, как уже отмечалось, прекратил деятельность из-за ареста 27 октября его членов политическими противниками большевиков.¹³⁶ Вновь образованный Северо-Западный ВРК потребовал немедленного роспуска по всей Северо-Западной области и на Северном фронте комитетов спасения, оказания самой энергичной поддержки Петроградскому ВРК, прекращения всякой отправки и срочного отозвания войск, посланных с фронта в поддержку А. Ф. Керенскому и удаления с постов всех лиц, не признающих новой власти.¹³⁷ Северо-Западный ревком направил своих комиссаров в штаб Северного фронта и взял его деятельность под контроль.

Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии В. А. Черемисов вынужден был подчиниться власти Северо-Западного ВРК. Чтобы приостановить движение воинских частей на Петроград, Северо-Западный ВРК приказал разобрать железнодорожную линию на участке севернее Пскова. Вот что об этом доносил Черемисов 5 ноября в телеграмме в Ставку временно исполняющему обязанности Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту Н. Н. Духонину: «я вам донес, что... части 3-й Финляндской и 35-й дивизии продвинуты в Лугу, что, однако, выполнить не удалось, так как образовавшимся в Пскове Областным военно-революционным комитетом были разобраны пути у ст. Торошино и в 10 верстах от Пскова, севернее города, причем разобранные пути охранялись вооруженными частями, высланными Северо-Западным военно-революционным комитетом. Целый день переговоров 4 ноября и убеждений пропустить эшелоны в Лугу не привели

¹³¹ Правда. (Петроград). 1917. 27 октября.

¹³² Минц И. И. Указ. соч. Т. 3. С. 325, 327.

¹³³ Там же. С. 325.

¹³⁴ Петроградский военно-революционный комитет. Т. 1. С. 468.

¹³⁵ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 150–151.

¹³⁶ Псковский набат. (Псков). 1917. 8 ноября.

¹³⁷ Известия Северо-Западного военно-революционного комитета. (Псков). 1917. 3 ноября.

ни к каким результатам».¹³⁸ Аналогичное сообщение поступило и от генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северного фронта генерал-майора В. Л. Барановского 5 ноября в адрес Комитета спасения родины и революции в Петроград. «Наши армии определенно высказались за непосылку войск ни той, ни другой стороне, – доносил генкварсев, – причем образовавшиеся в Двинске, Валке, других пунктах и особенно в Пскове военно-революционные комитеты старательно соблюдают эту позицию, не пропуская никаких эшелонов севернее Пскова».¹³⁹

По инициативе местных большевистских организаций 6 ноября в Пскове состоялась конференция военно-революционных комитетов Северо-Западной области и Северного фронта, посвященная задачам ВРК.¹⁴⁰ На ней присутствовали делегаты от военно-революционных комитетов 42-го отдельного армейского корпуса, 5-й, 12-й армий и ВРК около 20 гарнизонов Северного фронта – Ревеля, Юрьева (Тарту), Валка, Люцина (Лудза), Пскова, Луги, Торопца, Режицы (Резекне), Порхова, Ямбурга, Нарвы, Острова, Витебска и др.¹⁴¹ Конференция поручила всем военно-революционным комитетам организовать перевыборы местных советов там, где преобладали эсеры и меньшевики; «установить строгий контроль над всеми средствами связи», а также «установить свой контроль на железных дорогах»; взять под контроль действия военных властей; назначить комиссаров гарнизонов и частей и др.¹⁴² Конференция, несомненно, сыграла важную роль в консолидации всех большевистских сил Северного фронта и его тылового района в борьбе за власть на северо-западе России.

Таким образом, власть в тыловом районе Северного фронта была взята большевиками достаточно быстро и относительно бескровно. При этом, как было показано, главная сложность для них заключалась в том, что наряду с борьбой за власть в этом регионе ВРК 42-го отдельного армейского корпуса, ВРК Эстонского края, ВРК Северо-Западной области и Псковский ВРК много сил и энергии были вынуждены тратить на борьбу с выступлением Керенского—Краснова, а также помогать Петроградскому ВРК.

12-я армия. Ближе всех других армий Северного фронта к Петрограду была расположена 12-я армия. Политическая обстановка в канун Октября здесь была весьма сложная. Дело в том, что в 12-й армии фактически существовало два центра – находившийся под руководством эсеров и меньшевиков Исполнительный комитет совета солдатских депутатов 12-й армии (Искосол) и созданный еще в июле руководимый большевиками левый блок частей, куда входили Исполнительный комитет совета депутатов латышских стрелковых полков (Исколастрел – военная организация большевиков этой армии) и ВРК района 12-й армии.

Как только в 12-ю армию пришло известие о взятии большевиками власти в Петрограде, армейская военная организация большевиков в экстренном выпуске своей газеты «Окопный набат» 26 октября призвала солдатские массы поддержать большевистское восстание в столице, сохранять дисциплину и сплоченность, выполнять приказы только военной организации большевиков, действующей в контакте с Петроградским ВРК.¹⁴³ В этот же день начал легально действовать созданный еще накануне Октября большевистский ВРК района 12-й армии. Объявив себя органом власти, он обратился к солдатам с манифестом, в котором призывал не допустить посылки войск из армии на помощь Временному прави-

¹³⁸ Базанов С. Н. Указ. соч. С. 35.

¹³⁹ Октябрь на фронте // Красный архив. 1927. № 5. С. 105–106.

¹⁴⁰ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 150–151.

¹⁴¹ Известия Северо-Западного военно-революционного комитета. (Псков). 1917. 10 ноября.

¹⁴² Петроградский военно-революционный комитет. Т. 2. С. 180–182.

¹⁴³ Окопный набат. (Венден). 1917. 26 октября. Экстренное добавление.

тельству.¹⁴⁴ Газета «Окопный набат» 28 октября известила солдатские массы армии о том, что «почти во все войсковые части посланы комиссары».¹⁴⁵ Таким образом, борьба большевиков за власть в 12-й армии поначалу носила организованный характер.

Учитывая исключительно важное стратегическое значение 12-й армии, Петроградский ВРК направил на помощь ее большевистской военной организации своих эмиссаров. Прибыв на место, они были тут же введены в состав ВРК района 12-й армии.¹⁴⁶ Большевики 12-й армии неустанно призывали солдат не исполнять приказов командования о передвижении войск.¹⁴⁷ Печатный орган большевиков 12-й армии газета «Окопная правда» на своих страницах также настраивала солдат против командования.¹⁴⁸

В свою очередь, командование намеревалось создать в тыловом районе 12-й армии – в городах Вендене (Цесис), Вольмаре (Валмиера), а также в Валке (где дислоцировался штаб армии) и других важнейших пунктах – ударные группировки из верных Временному правительству частей армии. Так, в районе Валка были сосредоточены казачьи части, три кавалерийские дивизии, 5-й броневой дивизион, ударные батальоны и другие части.¹⁴⁹ Благодаря этому там 27 октября был создан Комитет спасения родины и революции, который ультимативно предложил Псковскому ВРК, являвшемуся фронтовым большевистским центром: «первое – снять караулы, поставленные в учреждениях; второе – немедленно распустить себя как самозванно-заговорщицкую организацию».¹⁵⁰ Командующий 12-й армией генерал-лейтенант Я. Д. Юзефович вызвал дополнительно в Валк верные Временному правительству части.¹⁵¹

Между тем большевики принимали ответные меры. Согласно изданному приказу ВРК района 12-й армии распропагандированные ими 1-й Усть-Двинской и 3-й Курземский латышские стрелковые полки 27 октября заняли Венден, а 6-й Тукумский и 7-й Бауский латышские стрелковые полки 29 октября – Вольмар.¹⁵² В результате вся железнодорожная линия от Вендена до Вольмара оказалась в руках ВРК района 12-й армии. На железнодорожных станциях был установлен большевистский контроль над передвижением воинских эшелонов. Снять и двинуть какую-либо воинскую часть на помощь Керенскому—Краснову, ни штаб 12-й армии, ни эсеров-меньшевистский Искосол после этого уже не могли.

Таким образом, к концу октября большевистский ВРК района 12-й армии практически распространил свою власть на всю территорию этой армии. Его признавало большинство воинских частей, под его контролем находились основные коммуникации и стратегически важные пункты тыла 12-й армии, за исключением Валка. Находившийся здесь штаб 12-й армии и Искосол оказались на положении осажденных и не представляли для большевиков серьезной опасности. Сложившаяся обстановка позволила ВРК района 12-й армии даже отправить в начале ноября на помощь Петроградскому ВРК 6-й Тукумский латышский стрелковый полк и сводный батальон, сформированный из солдат-латышей.¹⁵³

Одновременно с борьбой за власть большевики 12-й армии пытались создавать ревкомы. Особенно успешной их деятельность была в латышских стрелковых полках, распро-

¹⁴⁴ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 136–137.

¹⁴⁵ Окопный набат. (Венден). 1917. 28 октября.

¹⁴⁶ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 618.

¹⁴⁷ Революционное движение в русской армии. 27 февраля – 24 октября 1917 года. М., 1968. С. 550–552.

¹⁴⁸ Окопная правда. (Венден). 1917. 2 ноября.

¹⁴⁹ Красный архив. 1927. № 4 (23). С. 163–177.

¹⁵⁰ Базанов С. Н. Указ. соч. С. 38.

¹⁵¹ История гражданской войны в СССР. Т. 2. С. 443–444.

¹⁵² Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г. (март 1917 – февраль 1918 г.). Рига, 1963. С. 751–752.

¹⁵³ Там же. С. 539, 546.

пагандированных еще в дооктябрьский период. В обеих латышских стрелковых бригадах – 1-й и 2-й – созданные большевиками военно-революционные комитеты брали власть в свои руки. 31 октября начальник штаба 12-й армии генерал-майор А. А. Посохов сообщил об этом в штаб главнокомандующего армиями Северного фронта. «В латышских частях самочинно образовались военно-революционные комитеты, – писал генерал, – захватившие управление полками и арестовавшие многих офицеров. Обе бригады подчиняются только приказам Военно-революционного комитета».¹⁵⁴

Искосол, находившийся в Валке под охраной ударного батальона, вступил в переговоры с ВРК района 12-й армии, в ходе которых предложил созвать Большой совет 12-й армии. С 28 по 31 октября в Вендене, где находился ВРК района 12-й армии, заседал Большой совет, заменивший в этой армии армейский съезд.¹⁵⁵ В президиум было избрано семь человек, в том числе трое большевиков. Председателем сначала выдвинули председателя ВРК района 12-й армии большевика С. М. Нахимсона. Однако затем правым эсерам удалось провести свою кандидатуру – М. А. Лихача.¹⁵⁶

Совет раскололся на левый и правый блоки. Незначительным большинством голосов (248 против 243) была принята резолюция о поддержке СНК. Правые эсеры и меньшевики-оборонцы, составлявшие правый блок, опротестовали результаты голосования; большевики и левые эсеры, входившие в левый блок, покинули зал заседания.¹⁵⁷ Тем не менее после достижения договоренности между блоками было решено образовать объединенный Искосол. Левый блок предложил не выбирать ни одного из прежних членов Искосола. Договорились сформировать временный комитет на паритетных началах, в который вошли по 22 человека от левого и правого блоков. Были избраны два председателя: от правого блока – правый эсер М. А. Лихач и от левого – большевик С. П. Медведев.¹⁵⁸

Таким образом, главный вопрос о власти решен не был. Тогда большевики добились решения о созыве в ближайшее время нового армейского съезда. Избранный временный исполнительный комитет 12-й армии занял позицию строгого нейтралитета. Такое положение объяснялось прежде всего тем, что в Валке, где находился штаб 12-й армии и армейский Искосол, дислоцировались не признававшие новой власти воинские части, что затрудняло большевикам задачу ликвидации последних очагов сопротивления местного командования, Искосола и Комитета спасения родины и революции в районе 12-й армии. Этому способствовало и то, что в результате выборов меньшевики и эсеры имели на съезде большинство, хотя и незначительное.¹⁵⁹

Приблизительно такое же соотношение сторонников и противников большевиков было в частях и соединениях армии. Около половины войсковых комитетов, особенно низшего звена (ротных и полковых), поддержало левый блок и ВРК района 12-й армии.¹⁶⁰ В ответ на положительное отношение части солдатской массы к большевистским ревкомам, ВРК района 12-й армии 2 ноября принял постановление о пополнении своего состава представителями от воинских частей и местных тыловых организаций: «по одному от каждой пехотной и кавалерийской дивизии, от артиллерийской бригады и каждой отдельной инженерной части 12-й армии, союза ж[елезно] /д[орожных] и союза почтово-телеграфных служащих,

¹⁵⁴ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 144.

¹⁵⁵ Окопная правда. (Венден). 1917. 13 ноября.

¹⁵⁶ Смольников А. С. Большевизация XII армии Северного фронта. М., 1979. С. 168.

¹⁵⁷ Окопная правда. (Венден). 1917. 12 ноября.

¹⁵⁸ Рижский фронт. (Валк). 1917. 7 ноября.

¹⁵⁹ Смольников А. С. Указ. соч. С. 170–171.

¹⁶⁰ Гаврилов Л. М. Указ. соч. С. 142.

Исколата (Исполнительный комитет совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии. – С. Б.) и Видземского земельного совета».¹⁶¹

Придавая большое внимание развертыванию борьбы за власть в 12-й армии, В. И. Ленин в первых числах ноября принял отъезжающего в 12-ю армию в качестве эmissара Петроградского ВРК К. А. Гайлиса и дал ему указания о быстрейшем завершении взятия власти в этой армии. С мандатом эmissара Петроградского ВРК Гайлис прибыл в Венден и был введен в состав ВРК района 12-й армии. Ознакомившись с обстановкой, он сообщил в Петроградский ВРК: «Сейчас на очереди вопрос о захвате штаба 12-й армии».¹⁶² В тот момент этот вопрос действительно был весьма актуальным, так как правый блок армейского съезда вместе со штабом 12-й армии стал энергично организовывать в Валке антибольшевистские силы.¹⁶³

По приказу ВРК района 12-й армии для нанесения удара по созданной правым блоком группировке в Валке и занятия города была сформирована боевая группа из распропагандированных большевиками 6-го Тукумского латышского стрелкового полка, 2-го батальона 436-го пехотного Новоладожского полка и батареи тяжелой артиллерии. Осуществлять общее руководство этой группой ревком поручил председателю бюро Военной организации социал-демократии Латвии А. Г. Васильеву.¹⁶⁴ Военным руководителем отряда был назначен сочувствующий большевикам командир 5-го Земгальского латышского стрелкового полка полковник И. И. Вацетис. По разработанному им плану предусматривалось заключить мирное соглашение с дислоцированными в тылу армии эстонскими воинскими частями и нейтрализовать 17-ю кавалерийскую дивизию, охранявшую подступы к Валку, а затем вооруженной силой подавить ударный батальон.¹⁶⁵

4 ноября сформированная боевая группа выступила из Вендена в сторону Валка.¹⁶⁶ Узнав об этом, правый блок Искосола направил из Валка 5 ноября войсковым комитетам ряда частей и соединений 12-й армии телеграмму, в которой требовал принять меры против продвижения боевой группы И. И. Вацетиса. По отношению к ВРК района 12-й армии в телеграмме содержалась угроза, что если «дальнейшее передвижение полков со стороны Военно-революционного комитета будет продолжаться», то «в гор. Валк будет введено 3 пех[отных] полка и дивизион артиллерии».¹⁶⁷ Однако войсковые комитеты на требование правого блока Искосола не прореагировали, а угроза ввести в Валк дополнительные воинские части так и осталась на бумаге, так как на ее исполнение времени уже не было.

Боевая группа Вацетиса беспрепятственно продвигалась к Валку, без кровопролития занимая станцию за станцией. Ударный батальон под угрозой окружения был вынужден оставить город, и 7 ноября боевая группа без боя вошла в Валк. В первую очередь она заняла железнодорожную станцию, телеграф, почту, здания, где размещались Искосол, штаб 12-й армии и другие учреждения.¹⁶⁸ ВРК района 12-й армии даже выразил 6-му Тукумскому латышскому стрелковому полку и 2-му батальону 436-го пехотного Новоладожского полка благодарность за «взятие» Валка, а также «всем лицам, содействовавшим этой операции».¹⁶⁹ Здесь следует заметить, что кровопролития удалось избежать только благодаря нейтралитету

¹⁶¹ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 147–148.

¹⁶² Там же. С. 149–150, 618.

¹⁶³ Смольников А. С. Указ. соч. С. 171.

¹⁶⁴ Рипа Е. И. Военно-революционные комитеты района XII армии в 1917 г. на неоккупированной территории Латвии. Рига, 1969. С. 48.

¹⁶⁵ Смольников А. С. Указ. соч. С. 173–174.

¹⁶⁶ Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. – март 1918 г. С. 149.

¹⁶⁷ Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1957. С. 266–267.

¹⁶⁸ Рипа Е. И. Указ. соч. С. 52.

¹⁶⁹ Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г. (март 1917 – февраль 1918 гг.). С. 519–520.

солдат местного гарнизона, которые не желали развязывания гражданской войны в самой 12-й армии. Однако несмотря на мирный исход «операции», ВРК района 12-й армии произвел аресты среди командного состава и членов правого блока Искосола.¹⁷⁰

После занятия боевой группой Вацетиса Валка соотношение политических сил в городе сразу же изменилось в пользу большевиков. Фактически уже с этого момента руководство перешло к левому блоку Искосола. Левый блок подготовил созыв Чрезвычайного армейского съезда 12-й армии, который проходил в Валке 14–15 ноября. Из 545 делегатов съезда около 400 были большевиками и им сочувствующими. Съезд одобрил все мероприятия новой власти и избрал практически большевистский Искосол (из 60 членов вновь избранного армейского комитета 48 представляли левый блок). Председателем был избран большевик С. М. Нахимсон, товарищем председателя – большевик Я. Ф. Фабрициус. Искосол, впоследствии переименованный в совет солдатских депутатов 12-й армии, объявил себя единственной властью в районе расположения армии.¹⁷¹

Совет народных комиссаров назначил Нахимсона также комиссаром 12-й армии. Новый Искосол предложил провести перевыборы солдатских комитетов там, где они находились в руках эсеров и меньшевиков. Комиссары Временного правительства устранились из армии, и солдатским комитетам было предложено избрать новых комиссаров, стоящих на точке зрения левого блока. Большинство бригадных, дивизионных и корпусных съездов, прошедших вслед за Чрезвычайным армейским съездом, заявило о признании большевистского Искосола. Таким образом, в середине ноября большевистский контроль был установлен над большинством частей и соединений 12-й армии.

¹⁷⁰ Окопная правда. (Венден). 1917. 14 ноября.

¹⁷¹ Там же. 17 ноября.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.